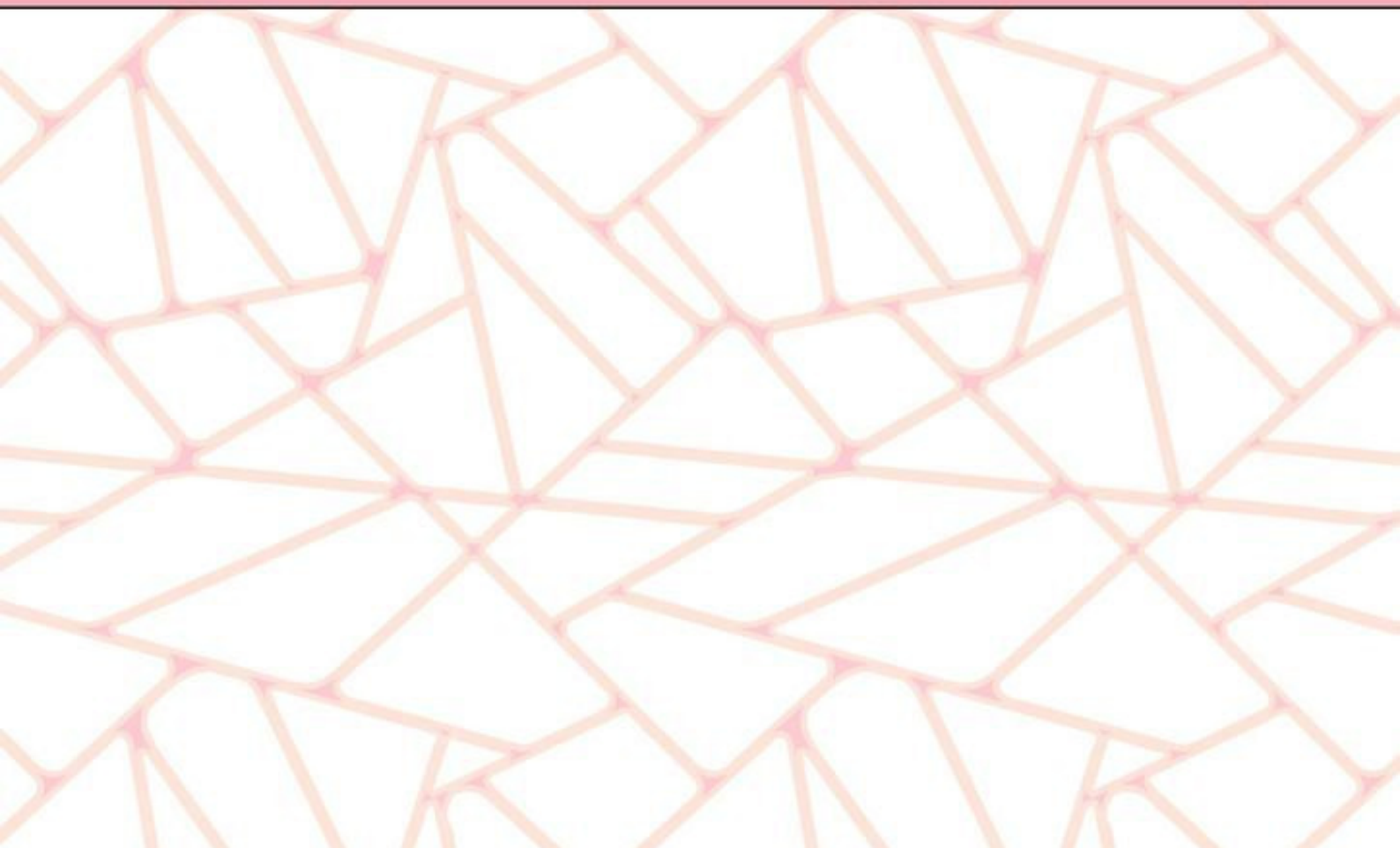

18+ Владимир Митюк

Синдром Рыжей

Роман из цикла «Пространство холода»

Владимир Митюк

**Синдром Рыжей. Роман
из цикла «Пространство холода»**

«Издательские решения»

Митюк В.

Синдром Рыжей. Роман из цикла «Пространство холода» /
В. Митюк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511978-0

Написав несколько романтических новелл, я не предполагал, что это выльется в цикл остросюжетных романов с непредсказуемыми исходами. Персонажи зачастую оказываются не теми, чью роль они играют в обычной жизни. И разобраться, кто есть кто, очень сложно. Этот роман — первый из цикла, за ним следуют «Наследник» и «Сафари». И завершают цикл, но не историю, романы «Грубые хроники» и «Грубые будни». Итак, приступаем к чтению триллера «Синдром Рыжей».

ISBN 978-5-00-511978-0

© Митюк В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Синдром Рыжей	7
Рыжая клюква	7
Флэшка	12
Доктор	18
Тихий	22
Доктор	24
Вояж – 1	26
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Синдром Рыжей

Роман из цикла «Пространство холода»

Владимир Митюк

© Владимир Митюк, 2020

ISBN 978-5-0051-1978-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Очень долго, недопустимо долго писался цикл «Пространство холода». И вот, наконец, подготовлены почти все книги, входящие в цикл.

Некоторые произведения были напечатаны в журналах или отдельными изданиями, но в процессе работы пришлось внести необходимые изменения.

В настоящее время опубликованы в новой редакции «Грубые будни» и «Грубые хроники», завершающие цикл романы. А начинается цикл «Синдром рыжей», на очереди романы «Наследник» и «Сафари». Надеюсь, они вскоре тоже будут готовы к печати.

Каждое произведение имеет законченный характер, но все они связаны персонажами и событиями. Некоторые появляются и исчезают, некоторые – от лица которых ведётся повествование, гибнут, а их последователи разбирают записки и пытаются найти причины происходящего и найти заказчика необъяснимых убийств.

Все книги и новеллы остросюжетного цикла содержат и любовные, и детективные линии. Чем всё закончится – читатели могут только предполагать.

А начиналось всё с новеллы «Рыжая клюква». Она имеет к происходящим событиям косвенное отношение, но именно она положила начало всему.

Синдром Рыжей

Рыжая клюква

Логичней и проще, гораздо проще было бы начать так: *«Мы с Рыжей давно собирались свалить куда подальше от народа, от семьи, под весьма благовидным предлогом, чтобы, наконец, хоть и не в идеальных условиях, наконец, заняться любовью, или как теперь принято говорить...»*, и дальше успешно развивать эту тему...

Можно упорно напрягать убогий, или не очень, личный опыт. Что трудно, ибо всегда найдется некто, обвинивший автора во всех смертных грехах. Не могу, конечно, сказать абсолютно за всех, но нормальный мужчина в полном соку, или даже выжатый, но в здравом уме никогда бы не смог отказаться от крамольного желания, стоило только раз увидеть Рыжую.

Но попытка поближе познакомиться к ней была чревата предсказуемыми последствиями. Смелчак мог получить такую отповедь, что ему надолго не захотелось не только не заговаривать, но и подходить к любой из женщин, даже если бы его усердно заманивали, обещая взвездные блага. Вот так. Я этого не знал, и посему мне в своё время удалось попасть в это «почти», о чем я, по правде говоря, сожалею. Вот написал «сожалею», и, наверное, покривил душой.

Мы, как модно теперь говорить, свои *намечающиеся отношения* не афишировали. Не трубили о том на всех углах и не давали очевидного повода для обсуждения или злословья. Иногда, правда, встречались на перекуре и разговаривали под завистливыми взглядами коллег. Необходимо сказать, что Рыжая была замужем, имела маленькую дочку, хорошего мужа и могла считать себя счастливой. Скорее всего, так оно и было. Я тоже успел обзавестись семьей и жил вместе с женой и тещей в трёхкомнатной квартире, любил свою жену и не мог пожаловаться на жизнь и отсутствие внимания.

Но что-то непреодолимо тянуло нас с Рыжей друг к другу, и, когда мы оставались наедине или нам удавалось перекинуться парой ничего не значащих для постороннего уха фраз, то почему-то понимали, что это надолго, хотя никто не хотел или не мог менять свою жизнь. По крайней мере, разговор на эту тему не заходил.

Итак, если кто ещё не знает, стояла самая что ни на есть золотая осень. Активно ползли из земли грибы, так что шел вселенский хруст, и, что самое главное, на болотах созрела клюква. Кое-где ещё зеленоватая с боков, но большей частью красная, чуть не лопающаяся. Коллеги начали активно брать отгулы, чтобы сделать зимние запасы и вскоре пригородные электрички стали битком заполняться страждущим населением. Мы тоже решили не оставаться в стороне, и, договорившись с начальством, выбрали день для поездки, так что для нас с Рыжей повод был совершенно безобидный и нейтральный.

Компания подобралась большая и разношёрстная, у каждого были свои интересы, а благоверный Рыжей слился куда-то в командировку, так что ей, в случае удачи, не было необходимости повторять ночью то, что мы намеревались сделать. О себе же умалчиваю, думайте, как хотите.

Дома возражений не было, даже теща отнеслась к предстоящему более чем с пониманием – напекла пирожков и аккуратно завернула в газетку донельзя прозрачную бутылку «Сибирской». Последнее обстоятельство объясняет выбор транспортного средства, ибо кому же охота после окончания только жевать бутерброды с чаем и не участвовать в общем деле? Замечу, что быть трезвым в подвыпившей компании – дело весьма неблагодарное, сам знаю, да и вы тоже. Было распределено, кто и что берёт с собой: женская половина готовила

салаты, винегреты, мясо, закупала колбасы и прочую снедь, мужикам было поручено основное и в достаточном количестве.

При надлежащем рвении стражей порядка наши легко бы заполнили придорожные вытрезвители. Такова правда пьяной и нормальной жизни. Но и в таких случаях мы ухитрились выходить из положения – никого не бросали, искали до посинения и возвращались в полном составе.

Но иногда люди всё-таки терялись. Карельский перешеек, с его пригорками, борами, болотцами, дорогами, прорезавшими его насквозь. В пасмурную погоду сориентироваться весьма тяжело....

Но был и счастливый случай. Безалаберная дуреха Зина бросила всех, заблудилась и упёрлась – от Каннельярви до самых Полян – это пятнадцать-то километров, где ее подобрал случайно оказавшийся там «Мерседес», который не только довёз девушку до Питера, но и впоследствии взял замуж. Конечно же, не «Мерседес», а находившийся за рулём мужчина. Но это интересно скорей для неё, а мне это происшествие вспоминалось как нечто забавное, о котором приятно рассказать в незнакомом обществе. В качестве байки, которой можно верить или нет, но, правда.

Не интересно – почему? Лишь по территориальному факту, ибо мы собрались в совсем противоположную сторону. Но лужское направление столь же привлекательно. И для прогулок по осеннему лесу, и сбора даров леса. Мы же договорились садиться в третий (удивительно, почему почти всегда договариваются именно в этот, хотя он и моторный) вагон, ибо, ввиду большой протяженности города некоторые подсаживаются на промежуточных платформах, а севшие в электричку на вокзале занимают, по возможности, места возле окошек, дабы наблюдать за мелькающим за окнами пейзажем.

Ехать не близко, за сотый километр, но в хорошей компании путь не кажется долгим. Тем более что дегустация начинается после пересечения городской черты, парочки не стесняются, садятся рядышком и наслаждаются лёгкими объятиями. Время летит, кое-кому вовсе не хочется покидать уютный вагон. Но это обобщение. Бывает и так, что генерируются случайные, во всех отношениях, связи, как ни странно, не становятся одноразовыми, развиваясь, согласно договоренностям сторон. А одноразовые связи вовсе не подлежат восстановлению. Зато есть возможность испытать свой шанс, и, кто знает... И мне, признаюсь, удавалось наблюдать весьма пикантные моменты, и, не исключено, сам иногда выступал в роли подопытного.

Но в данной ситуации пока все складывалось как нельзя лучше. И, естественно, совсем по-советски, до определённого момента. Мне было на что рассчитывать – но....

Рыжая позвонила рано утром – облом, сынишка приболел, и его высадили из яслей. Мне же отказываться, как носителю основного продукта, было никак невозможно, не судьба. Я стал собираться. Солнечная погода сменилась пасмурной, но условленное время я уже был на продуваемой всеми ветрами платформе и с тоской поджидал прибытия электрички.

Внезапные свинцовые тучи чуть ли не падали на голову. Моросил мелкий дождик, похоже, с мокрым снегом. Вот непруха... Но я был тепло одет, укутан в непромокаемый комбинезон. А в рюкзаке лежал дождевик, его можно было накинуть сверху и застегнуть.

Подошла электричка, я нырнул в теплый вагон. Он оказался полупустым, наверняка люди посмотрели прогноз и отказались от поездки. Никого из наших не было – сели в другие вагоны? Ничего, на месте соберемся. Дождь усилился, затуманив окна. Я достал прихваченный заранее детектив и углубился в чтение. Однако скоро мне это наскучило. На следующих остановках в вагон никто не зашёл. Да, – сам себе думаю, – вмазать, что ли? Но в одиночку не хотелось.

Я смотрел в окно на ставшие унылыми полустанки, грустно падающие листья – осень. Возможно, ещё и будут теплые деньки, а так – до следующей весны. Полгода. Ну и гниль!

Город закончился, и выходить было поздно. – Поеду до конца – вдруг кто-нибудь да сподобился составить мне компанию, – но вероятность подобного стремилась к нулю. Была бы

группа, кто-нибудь да отправился по вагонам в поисках своих. Я немного вздремнул, и вот мой сотый.

На полустанке никто не вышел, кроме странной пары, одетой в несуразные плащи, с рюкзаками и корзинками – видимо, основательно подготовившимися к сбору даров леса. Я постоял какое-то время, поднялся на перрон – там меня ожидала пустая будочка, и расписание.... До ближайшей электрички в направлении города, – и так редкие поезда следуют мимо, без остановки – да и зачем? – часа четыре, если не отменят. Из укрытия выходить не хотелось. В дождь, слякоть, но не стоять же здесь, изображая жертву или памятник, которому все пофиг. Я спустился вниз, и направился вдоль железнодорожного полотна.

По правилам, идти нужно километра полтора до первого светофора, потом повернуть влево, пойти по тропке, перейти через две канавы, (или три?), а там – клюква, на полянках, болотцах и в редколесье. Можно подсутиться, отвлечься, пробежаться по угодьям. Спуститься ниже, надергать моховичков, черноголовиков и красненьких, не говоря уже о горькушках. Думая так, шел я вдоль полотна, по мокрой и раскисшей тропинке, хлюпая сапогами, вслед за моими единственными спутниками.

Как-то мгновенно увядшие, уже пожелтевшие листья грустно шуршали под дождевыми каплями в такт моему настроению. Важные и довольные, вылезли лягушки – наступила их пора, и они здесь хозяева. Похоже, что так – серенькие постоянные облака ползли как-то лениво, ветра не было, и некому их разгонять. Вот и поворот. Я поглубже натянул капюшон, чтобы вода не попадала за шиворот и перепрыгнул через канаву.

Обрадованные капли обрушились на меня, но не тут-то было – так и скатились вниз, лишь чуть намочив руки. Кто не знает, могу сообщить, что пробираться сквозь заросли или ходить в кустарнике – дело весьма неблагодарное, особенно во время или после дождя. Однако часто при входе в лес, особенно около дорог, приходится преодолевать такие дебри, радостно принимающие в объятия и пожирающие свою добычу. Наконец, я выбрался на нормальную тропку, идущую между деревьев, и навесом защищающих от дождя. Мягкий мох, на удивление, ещё не промок до конца и легко пружинил под ногами. Так дошёл я до второй канавы, уже полной воды, но сумел её перепрыгнуть и оказался на заветной полянке, усыпанной множеством кочек со спелой, так и рвущейся в корзину клюквой.

Я расположился под высокой ёлкой, надёжно охраняющей от дождя, скинул рюкзак и достал два ведёрка – одно маленькое, для сбора, и второе, побольше, куда намеревался высыпать клюкву из маленького. Работа шла споро, только от соприкосновения с мокрой клюквой зябли руки. Но это была ерунда по сравнению с той будущей добычей, на которую я небезосновательно рассчитывал. Азарт захватывает, и тут уже ни на что не обращаешь внимания. Попутно срезал несколько красненьких – предчувствие меня не обмануло, и это приподняло настроение. Но тут лёгкий ветерок незаметно подразогнал тучки, уже кое-где просвечивало смутное осеннее солнышко, что, впрочем, весьма характерно для нашей непостоянной погоды.

Да черт с ним со всем, – подумал я, – и так хорошо, может, и лучше, чем в компании и с Рыжей. Азарт охотника распространялся не только на желание симпатичной женщины, но и на сбор дани с лесных просторов. И не факт, что женщина перевесит. Ведёрко помаленьку наполнилось, я рассчитывал ещё пробежаться по грибы. Кружил я по полянке, решил перекусить и расслабиться. Расстелил полиэтилен, развязал рюкзак и устроился поудобнее на кочке. И тут услышал, как ко мне обращаются внезапные коллеги, совершавшие свою клюквенную охоту на другой стороне полянки за сосенками, сразу же и не увидишь.

– Молодой человек, присоединяйтесь к нам, все веселее будет.

Я обернулся. Это говорила женщина, та, что сошла с поезда со своим спутником. Она сняла плащ и оказалась ещё не старой, но весьма утомлённой. Расстеленная клеёнка уже была уставлена провизией, а посередине гордо возвышалась неременная бутылка «Столичной». В подобных обстоятельствах отказываться не принято, я перетащил свою снедь, уселся рядом

с женщиной. Он был чуть старше своей супруги, но тоже весьма бодр и активен. Мы представились друг другу. Как и полагается, её звали Марией Ивановной, а его – Михаилом Петровичем. Чем не чудесная компания!

Выпили за знакомство. Одну, другую, потом – за успешный сбор. Шесть бутылок в моём рюкзаке ждали своей очереди, но не осилить. Мы разговорились. Ни о чём. А тем было много – о видах на урожай, о том, что год грибной, как и что заготавливать. Я больше слушал и поддакивал.

Настроение и так поднявшееся по случаю удачного сбора, достигло почти максимума, я решил, что сумею встретиться с подругой в более комфортных условиях, и забыл, признаюсь, про неё.

А в прозрачной жидкости нечто есть животворительное, что бы ни говорили противники абсентизма.

Однако, на второй, уже моей бутылке, Петрович несколько сломался и загрустил. Бывает. Жена его не останавливала, но было видно, что он не далеко не пьяница, а вот так получается. И вскоре он – уже на третьей, не мог составить нам компанию, а тихо вырубился и задремал под кустом, укрывшись собственной телогрейкой.

– Вы не смотрите, что он так, – извиняющимся голосом произнесла Мария Ивановна, – просто навалилось в последнее время, он и переживает.

Я понимающе промолчал. Мало ли что бывает в жизни, и, наверное, с возрастом возникают проблемы совсем иного порядка. Мы выпили еще, я – почти по полной схеме, Мария Ивановна же аккуратно и немного пригубила, и пригорюнилась. Я ждал, ничего не спрашивая, ибо мне было хорошо на самом деле, но нечто тревожное проскальзывало в облике этой ещё моей сотрапезницы и не могло не беспокоить. Молчание затягивалось. Решив, что одна из тех замечательных тем, которая не может не интересовать женщину, наверняка являющуюся бабушкой, это внуки, и я спросил именно об этом. Чёрт меня дернул, честное слово! Как будто что-то случилось с Марией Ивановной! На моих глазах она мгновенно постарела, и превратилась из оптимистичной, хотя и усталой, ... продолжать не хочется!

Рассказ её был полон горечи и печали, так свойственной нашим русским женщинам. И благополучного конца ему в тех, давних, условиях, не предвиделось. Когда-нибудь я перескажу его вам, если будет такое желание, подробно. Но вряд ли. Ибо людям хватает и собственных забот, не то, что чужих, на которые, вольно или не вольно, душа таки откликнется. И ещё. Почему-то люди охотно, мне не раз доводилось наблюдать, выговариваются перед посторонними, теми, кого никогда уже не увидят, перед попутчиками, или в очереди. Но только тогда, когда держать в себе – сверх всяких сил.

Ко мне, правда, это пока не относится – но, может, настанет такой день, когда и я окажусь в отчаянном положении, хотя верить в это совсем не хочется. Однако неспроста там, у них, регулярно ходят на исповедь – надеясь, что Всевышний поможет. Или платят сумасшедшие деньги психоаналитикам и психотерапевтам, являющимися, в сущности, шарлатанами. Но бог им судия, и, если помогает – что ж, так мир устроен.

Наш же человек всё носит при себе, не доверяя ни богу, ни черту, ни правительству. И лишь иногда его прорывает, когда совсем не в состоянии, и стыдится этого. Было бы облегчение душе...

Но тогда мне казалось, что небо внезапно померкло, клюква спряталась и чуть ли не наступила ранняя зима. Так все было безнадежно, и я мог только выслушать – совета от меня не ждали. Я понял, что неспроста Михаил Иванович начал прикладываться к бутылке и не мог осуждать его, тем более что сам был небезгрешен.

И ещё я понял, что все мои проблемы – с семьей, тещей, Рыжей зачастую просто надуманы, и что надо жить, как оно течёт, ибо для простых смертных – шаг вправо, шаг влево – весьма чреват.

Но что-то внутри меня сопротивлялось этому открывшемуся знанию, но протест был слабым, неосознанным и бесперспективным.

Однако возвращались мы домой в приподнятом настроении – алкоголь (мы больше не пили, ограничившись чуть тёплым чаем), хорошая добыча, заполнившая все ёмкости, сделали свое дело. В вагоне было прохладно, не топили, Михаил Иванович проспался и всю дорогу пел песни, отчего весь вагон оборачивался на него, но из уважения слушал, не прерывая. Рядом с нами оказалась симпатичная рыжая девчонка, как выяснилось, тоже оказавшаяся без компании. Наполненная корзинка, туесок с клюквой.

Мои попутчики вышли раньше, ещё до города, выговорившаяся Мария Ивановна взяла телефон, дала свой, обещала позвонить, но потом куда-то пропала вместе со своими проблемами.

Я же остался вместе с незнакомой девушкой, говорить было не о чем, разве что об успешном сборе и выслушанном рассказе. Ехать оставалось полчаса, действие алкоголя прошло и я, признаться, озяб, как и новая спутница. Она невольно подвинулась ко мне. Я – не хотите ли согреться?

Достаю очередную бутылку – сейчас это клюквенная настойка, сворачиваю головку, мы по очереди глотаем из горлышка, и то, что я обнимаю, почти невинно, девчонку, не выглядит неестественным.

И эти невинные объятия, признаюсь, минут за пятнадцать до вокзала, переходят в более тесные.

Колечко на безымянно пальце. У меня такое же, так что паритет соблюден. И я всего лишь держу её за руку. Этого достаточно, ток стремительно мчится через нас и замыкается. Дыхание перехватывает, но я даже не рискую поцеловать девушку.

Она поднимает глаза, серые, огромные, и я понимаю, что пропал. Я увидел в них свое отражение. Её губы дрожат. И вся она, но уже не от холода.

Мы не задаем друг другу вопрос – что дальше, но её телефон... Мой? – Нет, я звонить не буду, ты, если решишься. Надежда.

А что, моя рыжая пассия? Зачем? Я уйду, унося на губах вкус внезапного мимолетного поцелуя и номер телефона.

Дома были довольны моими успехами – даже освободили от переборки. Я заслужил дополнительное поощрение от тёщи в виде бутылочки собственноручно приготовленной наливки, которой выпил одну рюмку, не забыв похвалить, и, естественно, от жены.

И жизнь моя потекла до определенного момента также спокойно и размеренно – всё та же работа, семья.

Так и не начавшиеся отношения с Рыжей сами собой сошли на нет, тому было множество причин. Ведь желание и страсть ещё не есть любовь. Но хорошие отношения сохранились, ведь разрывать-то было нечего. Так тоже бывает, я понял позже.

А та случайная встреча изменила всё. Вспышка. На неконтролируемом сознанием уровне. Но – советская эпоха, семья, дети. Ограничения во всём.

Через месяц, когда, казалось, ноябрь разрушает все чувства и подавляет эмоции, я дрожащей рукой набрал номер телефона. Услышал голос и пропал.

Да, мы подогнали время. Безуспешно старались не дать ему увлечь нас обоих в безнадежный круговорот.

Сопротивляться любви бесполезно.

Флэшка

.... не менее бредовое, что происходит не только рядом, но и самим собой, затягивает, мешая задеревенеть и одновременно лишает понимания. Сужает возможности, но не желания. И начинаешь осознавать, что возможности эти убывают плавно – сначала незаметно, а потом – как день в октябре. И ты бессилен. Ибо судьба твоя зависит от несметного числа обстоятельств, и не predetermined, а в какой-то момент повернута в ту сторону, о какой ты сам ранее и не предполагал. Да думать про то не хочется, а говорить – тем более. Вот Мария Ивановна рассказала, и ей стало легче. Но проблема не ушла, а ещё более обострилась. Впрочем, все мы неизбежно попадаем под общий каток, волну, ветер, которые направляют жизнь в сторону общепринятой тенденции, однако. Возможно, это и к лучшему, если везде постараться найти положительные стороны, от которых и течет ток к отрицательному полюсу.

Итак, однажды нашему начальству пришло в голову, что весьма сомнительно, скорее всего, ещё выше намекнули, что, мол, надо, и всё. Якобы в фирме должны обязательно быть сотрудники, обладающие специальными сертификатами, а то получается непорядок, и за что фирма должна выложить опять-таки не маленькую сумму, чтобы было по-честному. В соответствии с данным указанием, равносильным с обязательным направлением на овощебазу в советское время, фирма объявила, что все сотрудники, желающие продолжать свою неплохо оплачиваемую деятельность, должны обзавестись этими сертификатами. То есть, повысить свою квалификацию, а не то будут последствия.

До сих пор удивляюсь, что у нас самому разному начальству совершенно случайно одновременно приходят в голову одни и те же мысли, – так называемая «логика жизни требует», и началась очередная кампания борьбы за повышение и улучшение. Хотя формально никто не заставляет, а только рекомендует. Соответственно, масса подобных курсов быстренько была организована по всему городу и определённый слой трудящихся начал туда стекаться на предмет их прослушивания и получения надлежащего документа. Хорошо ещё, что три раза в неделю – месяц потерпеть можно. Прошу прощения за столь нелепый и канцелярский стиль и слог, но об этом можно либо так, либо с широким использованием идиоматических выражений, к чему я морально не готов.

Примерно так рассуждал я, покорно, но не без интереса, направляясь на оные курсы, и вооружившись набором блокнотов и авторучек. Под ногами противно хлопал внезапный апрельский снег, но это не раздражало, ведь на занятиях не буду страдать от весеннего одиночества. Сяду где-нибудь в уголке и попробую вздремнуть.

Вот, нашёл дом. Грязно-жёлтое поздне-сталинской постройки здание, уже почти без обрушившихся архитектурных излишеств, с лестницей у обшарпанного подъезда с неокрашенным козырьком со вновь появившимися сосульками.

У входа толпились мужики, поспешно докуривая и бросая окурки в урну, промахивались и те летели прямо на грязный снег. Внутри также было накурено, а за столом, возле стеклянной двери, где наспех была приляпана аккуратная табличка «Преподавательская», сидел смурной мужичок в тёмном костюме и при галстукe, и регистрировал вновь прибывших, ловко стуча по клавишам, не забывая выдать анкеты под роспись. Я взял свою, расписался в получении анкеты, которую надо было заполнить и сдать в перерыве, и пошёл в так называемый учебный класс, над которым ещё с дореволюционных времен висел выцветший транспарант «Красный уголок».

Мазанные зелёной краской и увешанные пыльными плакатами ДОСААФа и ОСВОДа стены вряд ли могли доставить эстетическое наслаждение, как и порывшие от времен шторы, но мне было всё равно. Повесив куртку на импровизированную вешалку, которую изображала

утыканная гвоздями доска, сел за первый попавшийся стол с двойной деревянной скамейкой, вытащил блокнот и углубился в схваченную возле метро газету.

Я не поехал на машине, ибо данная ситуация имела одну приятность – мне было не более десяти минут пешком, если идти нога за ногу. Народ тем временем прибывал. К моему удивлению, было несколько женщин, как правило, пришедших парами, и о чём-то переговаривающихся между собой. Большинство было всё же за мужчинами самого разного возраста и социального статуса, но с одинаково недовольным выражением лица. «Смиритесь, и получайте удовольствие». А мне было всё равно, ибо я был поглощён собственными заботами и весьма неопределённым будущим.

Да, но как верна поговорка «Мир не без добрых людей»! Вот эти-то добрые люди так, ненавязчиво, настучали моей половине про Рыжую, я отпираться и каяться не стал. Из дома меня выперли, и я оказался в своей старой комнатёнке в коммуналке и без гаража. Самое смешное, что к тому времени наши отношения с Рыжей сами собой сошли на нет. Мало того, и близости ни разу не было! Мы с ней не переругались, здоровались, улыбались друг другу, иногда могли перекинуться парой ничего не значащих фраз, но все имеет свой конец. Он и наступил. Но была девушка из электрички...

Даже после развода я первое время надеялся восстановить семейные отношения, ну да, грешен, но раскаяние мое принято не было. И я это почувствовал практически сразу, но потом понял, что и своей жены практически не знал. Хорошо, что человек живёт не только сегодняшним днём, но и надеждой. А сейчас я ждал, тоскливо поглядывая на доску и некоторое сооружение серого цвета с проводами, подсоединенными к монитору.

Перед самым звонком – рядом со мной, хотя было ещё несколько свободных мест, спросив, естественно, уже потом – «А здесь не занято?» – плавно опустилась маленькая женщина в чёрных слаксах и цветастой блузке с маленькой аккуратной чёрненькой сумочкой и большой копной ярко рыжих, уложенных в сложную, с непосильным моему мужскому воображению названием, причёску. «Конечно, садитесь, пожалуйста».

Женщина извлекла из сумочки толстый блокнот и стала рисовать каракули гелевой ручкой, дожидаясь прихода лектора. Тот не заставил себя ждать, и, войдя в учебный класс, радостно поприветствовал собравшихся. «Здравствуйтесь, товарищи курсанты!», но услышал в ответ не громкое «Ура!», или как там полагается, а лишь нестройное типа «Здрасьте», и представился «Зовут меня... , я буду вести с вами занятия, два раза в неделю, по теме «Особенности современного налогообложения и...», а один раз мой помощник. Предупреждаю – посещение лекций обязательно (а то мы не знали, черта лысого пришли бы по своей воле!), потом вы пишете рефераты и, получив зачёт, как я надеюсь, вернётесь к основной деятельности с новыми знаниями, которые помогут вам и в дальнейшем».

Что ж, деваться некуда. Выглядел лектор, в общем-то, достойно – чёрная тройка с модным галстуком. Реденькие волосы зачёсаны назад, а голос – ну просто осколок Шаляпина. Казалось, он упивается каждым произнесенным словом и произведенным эффектом.

Лектор вещал общеизвестные истины, особо не вдаваясь в суть, но в русле очередных руководящих указаний – видимо, это давало возможность держаться на плаву независимо от смены эпох и руководства. Иногда, правда, можно было уловить свежие мысли и не очень, однако не повторяемые на каждом углу.

Очевидно, что он был специалистом в своем деле, но заботящийся, главным образом, о себе, любимом. Что, впрочем, в нашу эпоху вполне объяснимо.

В перерыве курили и обменивались впечатлениями, ещё не перезнакомившись между собой. Соседка моя тоже курила дорогие сигареты «Camel» с нарисованным на пачке верблюдом, прислонившись к шершавой стенке и не делая попытки вступить в разговор. Я вышел на улицу, поёживаясь, но не отступая – к вечеру стало прохладно.

После окончания занятий все разбежались по домам, с удовольствием вырвавшись на свободу – для большинства студенческие годы закончились давно.

Пара дней до следующего сбора пролетела быстро, в делах и заботах. Я пришёл почти к началу занятий, и сел на уже другое место – выбранное мною в первый раз уже было занято более расторопными слушателями. Соседка же моя ворвалась буквально со звоном, мгновенно оглядела зал и направилась к моему столу. «Я не опоздала?» – Хотя вопрос был совершенно излишним. «Нет, сейчас только начинается». И впрямь, лектор величественно проследовал к трибуне, и мы дружно принялись слушать нашего мучителя.

В перерыве опять курили, болтали о каких-то пустяках, и ничего особенного не произошло. Но у меня появилась постоянная соседка. Опять рыжая. Стройная и симпатичная, хотя отнюдь не смазливая. Правда, джинсы и слаксы весьма искусно используются слабым полом, особенно, если надеть и туфли на высоком каблучке – стройнят, вытягивают, скрывают некоторые недостатки, и иногда испытываешь определённое разочарование, когда они одевают более привычное одеяние. Особенно это касается невысоких женщин. Впрочем, в наше время ещё неизвестно, кому пристало более ходить в брюках.

Однако когда внезапно прояснилось и так потеплело, что народ стал стремительно разоблачаться, рыжая пришла в беленькой блузке, коротенькой юбочке и традиционных туфельках-лодочках, опасения мои рассеялись. Более того, я был приятно удивлён, хотя никаких намерений относительно рыжей у меня на тот момент не было. Мы все время сидели вместе, и выглядело это естественным.

Как-то раз рыжая на занятия не пришла, и кто-то из мужиков так, ненавязчиво спросил в лоб: «А твоя-то где, сачкует?» Выходит, нас воспринимали вместе, что не могло не польстить моему мужскому самолюбию, и я, стараясь быть как можно более равнодушным, ответил: «Дела на работе, в следующий раз обязательно придёт», хотя понятия не имел, где она, и, более того, даже не удосужился до сих пор спросить, как её зовут. Но мне было бы жалко, если бы она больше совсем не появилась. Потом я, конечно, узнал, что рыжую зовут..., но все же не стану здесь раскрывать ее инкогнито, тем более, что мысленно всегда звал её Рыжей, даже Рыжей-2, по известной причине.

Может сложится превратное впечатление, что мне была интересна исключительно Рыжая (теперь почему-то стал писать с большой буквы), и ни с кем больше я не общался, но это далеко не так. По правде говоря, я довольно-таки легко вхожу в контакт с женщинами, и поддерживаю хорошие, иногда – даже почти дружественные отношения, но не более того. Просто остальное мне не интересно. Рыжая-1, с которой мы расстались, была единственным исключением и моей кармой.

Здесь же я познакомился с одним весьма примечательным мужиком, которого для определённости буду звать Петровичем, ибо имя Лаврентий как-то не вязалось с его обликом. Это был очень колоритный, уже значительно полсевший и обросший жирком толстяк с замечательной речью и живыми, острыми глазами, повсюду распространявший свое обаяние. Как-то мы разговорились, и по окончании занятий посидели в ближайшей забегаловке, с видом на..., ну это не имеет существенного значения, где, кроме всего прочего, подавали исключительно эскалопы и салаты из морепродуктов. Слово за слово, и у нас нашлись общие интересы, и мы охотно обменялись некоторыми сведениями о наших клиентах, что было, конечно, нарушением профессиональной этики, тем более что информация была конфиденциальной. Но мы-то знали, что наши шефы делают и не такое, прикрываясь интересами фирмы.

Ну, а тут были наши интересы. В результате незатейливой операции удалось проверить пару хороших сделок напрямик и получить пристойные комиссионные, оставшись, как модно выражаться, за кадром. Наклёвывалось ещё кое-что, и, если всё пойдёт, как задумано, то я смогу сменить свою комнатёнку в коммунальной квартире на жильё более пристойное, и, решившись, попрошу Наталью вернуться ко мне. Тем более что взаимоотношения с соседкой,

молодой, но редкостной стервой, занимающей две остальные комнаты, у меня не сложились с самого начала.

Занятия наши подходили к концу, пришло время писать зачётные работы. Мне понадобился кое-какой материал для реферата, и Рыжая сказала, что у неё есть эти пособия, и я могу забрать их хоть сейчас, поскольку они у неё на работе, а это почти рядом. Такой вариант меня устраивал – за ночь я мог бы сделать необходимые выборки, набрать текст на компьютере, а потом скомпилировать в нечто удобоваримое. Мы пошли в противоположном направлении от метро, пересекли улицу, прошли через проходной двор.

Было уже закрыто, она позвонила, и нам открыл усталый и усатый охранник отставного возраста. Пройдя по полутёмному коридору, мы оказались в чистеньком и светлом офисе. «Это чёрный ход, – прокомментировала Рыжая, – для своих, но можно войти и с улицы. У меня есть ключ, но надо обходить». В комнате было четыре удобных кресла, и я приземлился в одно из них. Рыжая достала из шкафа несколько книг, и предложила кофе, пока я буду их смотреть.

Я с удовольствием согласился, поскольку за три часа занятий обходился только сигаретами. Девушка пошла ставить кофейник, а я мельком осмотрел уютное помещение. Стены до середины обиты жёной вагонкой и покрыты лаком. Выше – кремовые обои без излишних украшений. К стенкам же прилеплены записки, календарики, но это не раздражало. На обоих окошках – кашпо с ухоженными цветочками. Письменные столы – большие и нового уже образца, в меру завалены бумагами, уложенными в корытца и аккуратные стопочки. В углу – журчащий холодильник «Самсунг», на каждом столе – телефон и компьютер. В комнате была ещё одна дверь, в которую Рыжая вышла за водой для кофе. Вот и она.

Рыжая засыпала молотый кофе, залила воду и включила стандартный офисный кофейник. «Одна минутка, и будет готово», – сказала она, и как-то неловко повернулась на высоких каблуках, потеряв равновесие. Я поспешил на помощь и подхватил её. Коротенький пиджачок лимонного цвета смешно задрался вверх в противоположном моим рукам направлении, которые, пытаясь поддержать Рыжую, скользнули вниз и опять-таки случайно оказались на том месте, где им быть совсем не полагалось, уже на незащищенном одеждой теле. И задержались там также чуть дольше, чем того требовали обстоятельства и приличия.

Ощущение необыкновенной упругости усиливалось прикосновением её совершенных форм к моей груди. И во мне что-то повернулось. Я с трудом удержался, оторвал Рыжую от себя и поставил на пол. Потом я уже осознал, что это прикосновение стало искоркой, пронзившей нас обоих. Рыжая не оттолкнула меня, а лишь машинально поправила сбившуюся одежду и свалившуюся почти миниатюрную туфельку и совершенно невозмутимо произнесла:

– Спасибо, а вот и кофе готов.

В некотором смущении мы выпили по чашечке ароматного кофе, и минут через пять распрощались. Но я почувствовал по слабому пожатию её руки, утонувшей в моей, что это так просто не закончится. И вечером думал о Рыжей, и, хотя нужно было позвонить Наталье, рука не тянулась к телефону.

Несколько дней были исключительно тяжёлыми. Приходилось много работать, и я возвращался домой, как выжатый лимон. Успевал что-то перехватить, потом допоздна сидел с конспектами и еле доползал до не собираемого дивана. И всё шло своим чередом. С Рыжей мы о том эпизоде не вспоминали, однако я заметил перемену в её голосе. Ко всему прочему, мы боялись встречаться взглядами. Боже мой, – думал я, неужели одного почти случайного прикосновения достаточно? Но давил себя, как клопа, не имея наглости посягнуть на её жизнь. Однако грудь маленькой женщины запечатлелась на мне, и это не укладывалось в традиционную схему – знакомство, ухаживание, желание, любовь – секс. Конфетно-буфетный период отсутствовал.

В этот апрель я выкладывался на полную катушку. Что некоторым образом демпфировало мои переживания. Нам с Петровичем удалось ещё одно дельце, довольно-таки рискованное, и мой гонорар уже выразился весьма внушительной стопкой зелёных. Этот успех мы опять отметили в кафе, но без излишеств. Потом Петрович предложил поехать к его знакомым девушкам, расслабиться и снять стресс, но я нашёл в себе силы отказаться и даже ни чуточки не пожалел об этом. Мои мысли вертелись между Натальей и обеими Рыжими, Наталье я даже позвонил, но она была не то чтобы холодна, а, скорее, равнодушна.

Я предложил встретиться в выходные, но она ответила, что у неё совсем другие планы и жизнь другая, и так далее, и тому подобное. И, вероятно, это было концом. Ладно, перебьёмся, разозлился я, понимая, что изначально виноват сам, но скучать некогда. И впрямь, какой дурак осмелится гулять от такой женщины, надеясь, что это обойдётся без последствий?

Но... Я опять сомневаюсь. А суть в том, что, хотим мы того или нет, в жизни всегда что-то происходит – одни женщины неизбежно сменяют других, друзья – как бы это сказать помягче, исчезают в критический момент. Но свято место не бывает пусто. Это аксиома. Однако становишься поневоле более осторожным и не допускаешь резких телодвижений. Однако контроль не всегда срабатывает.

И вот очередная лекция. В качестве разрядки и наживки, чтобы заинтриговать опупевшую публику, лектор объявил, что будет показывать на занятиях слайды и видеofilm. Посему начало мы прослушали вполуха, ожидая представления.

Наконец, настал долгожданный момент, лектор погасил свет и подошел к допотопному диапроектору. Народ радостно заёрзал. «Кино покажут!» Многим ещё со школьных лет знакомо это ощущение ожидания, когда объявляют, что вместо урока будем смотреть кино или слайды. Пусть фильм совершенно жуткого качества, на убогой пленке, и такого же содержания, а диапозитивы скрипят и не вынимаются из аппарата, но мы ждём и полны счастья. Как и прежде, будто не прошло столько лет!

Мы с Рыжей переглянулись, если можно так сказать, в темноте, но я почувствовал, как она повернулась ко мне. Наши руки соприкоснулись. Она не убрала своей, а ответила на моё пожатие и придвинулась ближе. Потом, как бы невзначай, моя рука легла на бедро женщины и продвинулась выше, а Рыжая прикрыла её маленькой ладошкой. Я пребывал в столь блаженном состоянии до тех пор, пока не включили свет. Что нам показывали, для меня осталось загадкой.

«Ну как?» – Довольно произнес лектор – видимо, эта коллекция была его гордостью, а слушатели стали радостно обсуждать увиденное.

В перерыве мы молча курили, и я заметил, как дрожит сигарета в её руке. Руке, увенчанной толстым обручальным кольцом. И я понял, что неизбежное, а мы всегда это чувствуем, не отдавая себе отчёта, на подсознательном уровне, произойдёт. И будет не просто данью внезапно разгоревшейся страсти. Сердце пустилось в свою аритмию, душа позорно сбежала в пятки.

Мы не обменялись ни словом, а просто вышли вместе и пошли в одном направлении по уже остывающему, но ещё светлому городу. Мне показалось, что всем редким прохожим ясно, куда и зачем мы направляемся, однако я слабо представлял дальнейшее.

На этот раз Рыжая открыла парадную дверь своим ключом. Мы оказались в том же самом помещении. «Не включай свет», – сказала Рыжая, и опустила шторы. Воцарился полумрак. Несколько секунд мы безмолвно стояли, прижавшись друг к другу, и я был уверен, что она почувствовала мое состояние. Дыхание прерывалось, но мы даже и не поцеловались – я не мог торопить события, просто... Рыжая освободилась из моих объятий. «Подожди минутку, я сейчас».

Я сел уже в знакомое кресло. Она вышла. Я вскочил, не в силах усидеть на месте, походил по комнате, схватил какой-то журнал, полистал его бесцельно, ничего не воспринимая, затем снова сел.

Вошла. Волосы уже не были собраны в причёску, а свободно струились. Одежду её составляла только распахнутая блузка, на которой явственно проступали два мокрых пятнышка сосков. «А она действительно рыжая», – подумал я, опустив взгляд, хотя в данный момент это было совершенно неважно.

Мгновение – и я привёл себя в то же состояние. Её упругие и одновременно мягкие груди легли на мои ладони, и, увы, или к счастью, не поместились в них. А губы – тёплые и нежные. Рыжая оперлась одной рукой о моё плечо, приподнялась на носочках, и плавно опустилась на мои колени. Затем сделала пару лёгких движений и застыла, прижимаясь ко мне ещё влажной после душа прохладной грудью. Я тоже не шелкнулся, боясь испугнуть неподобающее наслаждение. Даже больше – то единение, препятствием которому не могут быть любые условия. Потом она, не отпуская меня, осторожно перевернулась, опершись на гладкий полированный стол, и доверчиво предоставила себя в мое полное распоряжение.

Мы поймали машину и поехали – моя была ещё не на ходу. Рыжая всю дорогу молчала, прижавшись ко мне и не выпуская моей руки, и только когда мы подъезжали к её дому, тихо сказала:

– Зачем я это делаю? Но не могу. Умру без тебя. Ты понимаешь? – выпорхнула из машины и пошла, холодная и недоступная для встречных.

Совершенно ошарашенный я вернулся домой, постоял под душем, заварил бесконечный кофе. Произошедшее ошеломило меня. Так просто и естественно, будто мы занимались этим с Рыжей с незапамятных времён, и мне не хотелось ни с кем делить эту женщину. Нервные и бурные, иногда ровные и спокойные отношения с Натальей – я уверял себя, что до сих пор любил её, надежды на близость с Рыжей-1, доводившие меня до исступления, часто даже пугавшие, или то, что было сегодня с Рыжей-2 – может, это именно то, что нужно в этот момент или всегда? И причем здесь гармония, внешность, и прочие качества?

Однако ни о чем, кроме Рыжей-2, я думать не мог, не желая признаться себе, что с первого дня знакомства, осознавая, что это больше, чем любовь, хотя этого слова так произнесено и не было. За ненужностью. Ненадобностью?

Доктор

Зазвонил телефон. Я с некоторым сожалением прервал чтение, может быть, с чувством определенной неловкости, случайно оказавшегося перед моими глазами опуса. Всегда, хотя мне приходится это делать постоянно, испытываешь это чувство, невольно вторгаясь в чужую и далекую от тебя жизнь. А тут встретился с довольно-таки откровенными мыслями и страстями, явно не предназначенными для постороннего. Я закурил в раздумье, хотел вытащить флэшку, но потом почему-то скопировал на винчестер и выключил компьютер. Подошёл к телефону. Звонок был ничего не значащий, но настроение сбил.

В отделении было тихо.

Мои психи мирно спали, и слышно было, как журчит вода в туалете в конце коридора, и отбивают минуты электрические часы над моей головой. Но вдруг послышались тихие, приближающиеся шаги. Я привстал – кого это ещё чёрт несёт?

«В-вы н-не видели случайно моей ф-флэшки?» – В ординаторскую просунулся тихий псих из восьмой палаты. «Вот, пожалуйста, это Ваша?» – «Д-да, большое с-спасибо», слегка заикаясь, произнес псих, осторожно взял флэшку и прижал к груди в полосатой пижаме. Тряхнул лохматой головой, и удалился, бормоча себе что-то под нос.

Я вышел в коридор, освещенный лишь дежурным светом, и увидел, как он вернулся в свою палату. Потом скрипнула пружинная кровать, и отделение погрузилось в сон.

Так, значит, это его флэшка? Вот уж никогда бы не подумал. Это был не мой больной, но иногда я встречал его в коридоре и на обходе. Он всегда вежливо здоровался со всем персоналом, но, похоже, никого не замечал. Интересно, как ему удалось добраться до компьютера, столь бдительно охраняемого нашими медсестрами, и откуда у него флэшка? Неужели это нечто вроде дневника? Кое в чём ему можно позавидовать, в прошлом, конечно.

Я зашёл в сестринскую. Анна Сергеевна тихо дремала над детективом, но при моём приближении очнулась и подняла голову: «А, это ты, Николай. Что, не спится?» – «Да, спокойно всё, тоже почитал немного, да надоело – я отнюдь не собирался делиться с ней своим открытием, – вот только один из восьмой ходил, да и тот уже спит». – «А, тихий компьютерщик! Он спокойный, вежливый, не шумит. Как есть время, все к компьютеру бежит, с флэшкой своей, что-то печатает. Ну, бог с ним, никому не мешает. Жалко мужика, все память отшибло. А так ещё ничего, симпатичный». – «А попал сюда как, и неужели никто к нему не ходит?» – «С травмы он, после автокатастрофы. Недельки три, как к нам перевели. С работы приходили, с гостинцами, но никого так и не признал. А чайку хочешь?» – Она посчитала тему исчерпанной. И, не дожидаясь ответа, включила чайник.

«Пирог сегодня пекла, попробуй». Я отказывать не стал, и устроился напротив. Пирог оказался действительно очень вкусными, и мы славно перекусили и поболтали, так, ни о чём. Неожиданно Маня продолжила: «Мать к нему приходила, плакала старая – поздний ребёнок (а ему, по моему представлению, было чуть за тридцать, тридцать пять), он и её не признал – из-под Пскова приезжала, трудно, говорит, добираться, да и хозяйство не на кого оставить. А жена не то есть, не то в разводе, так и не явилась. Видно, не живут. Ничего, молодой, оправится, найдет себе ещё. А твои дела, кстати, как?» – Анна была в курсе моих личных дел, оставляющих желать лучшего, но на эту тему я не хотел распространяться.

Как и Тихий (так я буду называть его), я тоже запутался со своими женщинами, в итоге расставшись со всеми, и, видимо, именно поэтому его опус заинтересовал меня не только абстрактно. У каждого свой анамнез.

Мы выпили ещё по стаканчику, Анна начала клевать носом, и я отправился в свой кабинет досыпать. Но, увы, ничего из этого не вышло. Я вновь и вновь возвращался к прочитанному. Тишина и приглушённый свет способствовали размышлениям.

Возможно, некий ключ могла дать непрочитанная часть рукописи, но вставать с удобного кресла, снова включать компьютер было лениво.

Я припомнил, что да, действительно, он к нам поступил из травмы, после автокатастрофы. Вроде бы там даже были жертвы. А у него – несложный перелом, быстро срослось, зато тяжёлое сотрясение мозга, и, как следствие – почти полная потеря памяти, амнезия. Нет, он вполне мог читать, общаться, даже, как я только что узнал, вполне сносно работать на компьютере, но практически все связи с внешним миром, события, лица – стерлись.

Он никого не узнавал, только пытался смущённо улыбаться, когда к нему приходили, однако тех, кто был в отделении – врачей, медсестёр, больных – прекрасно знал по имени-отчеству.

Мне известны и более тяжелые случаи, когда все приходило в норму, и оставалось только ждать. Возможно, флэшка была ключом – но, увы, ни одного имени, ни одной зацепки не было.

Персонажи укрывались под псевдонимами, или просто обозначались. Особенно две Рыжие. Может, на этой почве он и свихнулся? Не в силах разобраться, кто где? И, если предположить, и жена его (бывшая?) тоже рыжеволосая, то можно себе представить. И сам психом станешь, особенно если тебя тряхнёт, как следует. Теперь он пытается восстановить историю, но все переплетается в его воспалённом мозгу (хотя энцефалограмма не показала отклонений от нормы, и, вообще говоря, здесь ему делать нечего).

Но, если не наступит ремиссия, то провести ему здесь. А парень незаурядный. Как это он писал про своих женщин: *«Возможно ли объяснить и понять, что лучше – отточенная техника Рыжей, сосредоточенная и импульсивная ласка жены»*, или – не помню дословно, что он написал про Рыжую-2, но тоже что-то нежное. Никому не обидно. Впрочем, попадись он любой из них – да прочти они эти строки, то, скорее всего, разорвали бы на кусочки. От ревности. Или не смогли бы поделить. Кто их, женщин, поймёт. Вроде и любил каждую, а вот, сложилось...

Но в чем-то он, безусловно, прав. Соглашусь – мы до сих пор не можем понять, чего хотим в данный конкретный момент. И то, что вчера казалось сплошным очарованием, завтра может вызвать глухое раздражение и апатию, а тут внезапная ситуация так переломит, даже если того не желаешь и не планируешь, и поведёт тебя, и потянет-потянет и вдруг потеряешь не то что рассудок, но и самого себя. Хоть в омут. А там вовсе не обязательно ждёт Тортилла с золотым ключиком.

У меня ж точно такая ситуация – не калька, а период разброда. То, что было. М-да. Лечь рядом на койку и слушать Тихого. Ну, не обо мне речь. Да и литературным критиком поздно становится. Не предназначен. Впрочем, может сменить род деятельности самому? Ладно, это я так. Я не страдаю от однообразия. Но меня поразило отсутствие детализации их взаимоотношений с Рыжими – он тактично не приводил имена, или же это был вымысел?

Вряд ли. Остатки сознания выливались в строки. Сам отгоняю вызванные в воображение образы и засыпаю. Но и там меня преследуют. Мне снятся сонмы рыжих, огненно-рыжих, летающие в облаках, их одежды развеваются, сбрасывая последнее, они опускаются вниз, обнимают меня и уносят в долину наслаждений, доводя почти до пика, а потом также внезапно исчезают.

Просыпаюсь от звонка совсем разбитый, глотаю приготовленный Анной Сергеевной кофе, сдаю дежурство и отправляюсь домой. Досыпать. Теперь уже без сновидений. Следующее дежурство у меня через три дня, я отдохнул и отправился принимать нормальных психов.

Кроме основной работы, я подвизался в качестве консультанта в собственном частном агентстве по оказанию психотерапевтических услуг. «Снятие порчи, сглаза и приворот». Степень кандидата медицинских наук – дополнительный бонус. Я усердно принимал клиентов, давал им idiotские, с точки зрения нормального человека, консультации, в которые они безоговорочно верили и, что самое интересное, зачастую приносили положительный эффект.

Как это написал Тихий – *«Необходимо выговориться перед посторонним человеком и облегчить душу»*. Мне же положительные эффекты приносили живую наличность, необходимую для пусть не роскошного, но и не бедного существования. О моей частной практике, само собой разумеется, в больнице известно не было никому. Так надёжнее. И всё равно, когда выдавалась свободная минутка, я снова думал о Тихом и его рыжих.

Откуда, кстати, появилась Рыжая-1? Из текста понятно, что они работали где-то вместе, и увлеклись друг другом, но затем Тихий в какой-то момент просто наскучил ей, либо Рыжей-1 надоели свидания урывками – как это знакомо, может, и приносящие некоторое сексуальное удовлетворение, но не имеющие ни будущего, ни материальной основы. Нет, он же писал, что не был близок с ней. И тут же – совершенно противоположное.

Или появился другой, кто смог завладеть не только её телом, но и душой, или же она поняла, что муж, во всяком, случае, ей дороже. Тихий о нём никак не отзывался, но писал, что Рыжая-1 счастлива в браке. Значит, он был какое-то время только дополнением. Загадка. Впрочем, легко решаемая – Тихий был настолько погружён в собственное «Я», что смог только заводить, но не удержать богом подаренную женщину, и разрывался между ней и семьей. Впрочем, весьма вероятно, что Рыжая была вообще одна, или её вовсе не существовало, кроме как в его воображении. А девушка из электрички?

На следующий раз мне сказали, что Тихий совсем не подходил к компьютеру, только бродил безучастно по отделению, выполнял просьбы медсестер, иногда сидел на подоконнике и сквозь зарешеченное окно смотрел куда-то вдаль. Курил в туалете, но ни с кем не разговаривал и лишь смущённо улыбался.

Сегодняшнее его состояние вызвало серьёзные опасения, и шансы на выздоровление – хотя, повторяю, с деятельностью мозга было все в порядке, – показались мне практически минимальными. Кстати, я так и не удосужился просмотреть его историю болезни.

Опять вечер, и я один в кабинете. Анна Сергеевна – в сестринской, и потому можно быть совершенно спокойным. По штату нам требовался ещё один врач, но пока приходилось обходиться вдвоём.

Дневной приём достаточно сильно выбил меня из колеи. Приходили люди со своими проблемами, и приходилось выкладываться полностью, изображать сочувствие, и ни в коем случае не выходить из образа благополучного всезнайки. Как будто у меня самого не существует никаких проблем! Они накапливались, наслаивались, и невозможно было разгрести всё сразу. К тому же, мне который день не давали покоя прочитанные записи Тихого. Всё же – было ли это в реальности – и первая, и вторая Рыжие, либо? А вот насчёт жены Тихого я могу кое-что выяснить.

Почитаю внимательно хотя бы историю болезни. Что там в анамнезе? Тут кстати коллега позвала пить чай. За чаем я вновь свёл разговор к интересующей меня теме. «Даже странно, – сказала она задумчиво – вот вы с ним тёзки». – «Чего ж странного, Николаев в Питере столько, что и не мудрено». – «Так и отчества совпадают, и в фамилии почти». – «Ну, надеюсь, меня ты психом не считаешь?» – Усмехнулся я. – «Да кто ж тебя знает? С бабами своими не разберёшься, – это её конек, поддеть меня, – и сам сдуреешь». – «Так я разобрался, теперь вообще один», – я усмехнулся, ибо так оно и было. И вернулся к прерванному месту, – как это я мог упустить такое совпадение?

«Кстати, как он?» – «Практически без изменений, только к компьютеру больше не подходит, и сидит тихо». – «А жене его не звонили?» – «Не знаю, может, раньше. Если хочешь, позвони сам, ещё не поздно. Прямо отсюда, – она достала список телефонов родственников, – вот его номер». Что я и сделал. На том конце трубку взяли почти моментально – видно, ожидали звонка. Но были разочарованы, услышав голос дежурного врача. И, мало того, даже упоминание имени моего больного тёзки вызвало нескрываемое раздражение.

Мне сказали, весьма вежливо, и чрезвычайно приятным, достающим даже на расстоянии голосом, что он и так давно уже заикнулся на своих шлюхах, и вообще, теперь не имеет к ней даже формального отношения, и попросили более по этому поводу не тревожить. «Но Вы же столько прожили вместе, проявите участие, и он быстрее поправится».

На что мне ответили, что думать надо было раньше, так ему и надо, пусть его бабы о нем и заботятся, а у меня, мол, своя жизнь, и я жду звонка, и не занимайте телефон. «Ну и стерва, – сказала медсестра, узнав о содержании разговора, – не мудрено, что он так сдвинулся. Хоть бы разок пришла, так нет. И другие не приходили – узнали, наверное, что он здесь. Кому охота с психом возиться!» Я не стал её разубеждать: судя по тому, что я прочёл, в разрыве с женой он был виноват сам – поддался чарам, или сам соблазнил, ходил налево, и вот – результат. Не каждая может простить, даже если была любовь.

Анна же испытывала сострадание ко всем убогим, иначе нельзя здесь работать. Мы помолчали. А потом я пошел к себе и включил компьютер. Сохранённый файл был на месте, и я снова погрузился в чтение.

Тихий

Рыжая позвонила мне утром на работу, и сказала, что, к счастью, её муж уехал на несколько дней в командировку, а дочка сейчас у бабушки. Дня три она будет свободна. О чем ещё я мог мечтать? Тем более что и моя соседка – как иногда складываются обстоятельства – тоже куда-то намылилась, и я подумал, что можно пригласить Рыжую, чтобы не дёргаться и побыть вдвоём. К тому же, мне, наконец, вернули машину из покраски, и я открыл автомобильный сезон.

Занятий сегодня не будет, и весь вечер – наш. А что далее? Я не мог допустить, чтобы Рыжая...

...я ничего не помню. Они добрые. Все. Принесли мои вещи. Я нашёл флэшку, в кармане. Прятал под подушку. Сестра разрешила пользоваться компьютером. Куда все пропали? Нога немного болит. А вечером кружится голова. Кормят хорошо. Каши с маслом, котлеты. Как найти Рыжую? Приходили люди какие-то. И говорили. Их не помню. Вижу смутно. Старая женщина плакала. Что она здесь делает. Говорила, что мать. Моя. Но не помню. Хотел утешить, а она ещё больше плачет. Сегодня давали компот, а потом доктор сказал, что она уехала. Если мать, то почему? Никакого хозяйства не помню. Что—то во мне зашкалило. А здесь хорошо. Тепло и деревья зелёные. Стоят. Скоро разрешат гулять. Я уже присмотрел скамеечку. Зелёную, как дерево. И урна рядом. Только зачем решётки?

Принесли сигареты. Но я помню, что были с верблюдом. Сказали, что у меня улучшение. Чего улучшение? Мне хорошо. Только сплю плохо, и нет рыжей.

Вечером был странный доктор. Я думал, что он больной, а Ботвинник сказал, что доктор. Играл с ним в шахматы. Лошадь очень красивая, только Ботвинник отгрыз у неё ухо. Я спросил, а он сказал, что съест пеишку. И сломал доску об табурет. Пришли двое и увели его.

Койка стала пустой. Мне сказали, что у него обострение. Но почему Сидоров мычит у окна? Если будет мычать, его тоже заберут. Останусь один. А Сидоров сказал, что он страж и меня охраняет. А мычит, чтобы разогнать злых духов. Но их здесь и так нет. Мне хорошо. Только где спрятали рыжую? Она кого-то увидела. Не помню, какая-то чернота и провал. Но вот буквы помню. На меня наехали, а где я был? Пришел опять странный доктор и сидел около меня. Спросил про рыжих. Сколько было. (Я ничего не спрашивал, но, может, он умеет читать мысли?) Я вижу только образы. Рыжих спрятали. Обоих. Но была рыжая здесь и там. Там была другая рыжая, не та. Мне бы вспомнить. И если была, то где сейчас. Меня не найдут. Доктор говорит, что Петрович. Какой? Не знаю. Где. Я его видел, доктора. Он почти похож. Я помню, что рыжие были вместе, но куда делись.

Нет, одна рыжая была рядом со мной. Я это знаю. А другая – там, но мгновение. С кем? А потом удар – и все. Меня бросило и я здесь. Рыжая крикнула – это он. Он – кто? Был зелёный, но тормознул. А он – нет. Нет, не он, он был с рыжей. Но не с той, что была рядом. Он был с другой рыжей. Она его узнала, того, кто был с рыжей. Другой рыжей. Имел какое-то отношение к той, что была со мной. Но был с другой рыжей. А сейчас у меня стала кружиться голова.

Зачем был красный, а он шел с рыжей и ничего не видел. А рыжая видела. Что она видела? Она видела его и рыжую, но не себя. Но он был не Петрович. Я его знаю? Нет. И я слышал, что буду до посинения, но не хочу я должен вспомнить потому что я был с Рыжей и она где-то есть или нет и если есть а если нет то все бессмысленно и пропади все пропадом и я буду до посинения почему ведь там зелено и без рыжей ничего не вспомню и деревья тоже покрасят в синий цвет зачем ведь зелёный успокаивает а мне все равно потом буду искать Рыжую.

Я всё перепутал. Бог с ним, Ботвинником. Если я скажу, что все вспомнил, то ведь они проверят. Как-нибудь, и не выпустят. Петровича вспомнил. Но на цифры всю память отшибло. Я даже вспоминаю, что мы были где-то у Семёна, только какого Семёна? Нет, буду вспоминать всё потихоньку, по каждому эпизоду и связывать. Тогда. Пусть найдут Петровича. Он не знает про первую Рыжую, но я уверен, что было две. Просто другая была с тем, кого знала Рыжая, сидевшая рядом. А если с ней что-то случилось? Тогда и выходить отсюда не имеет смысла.

Доктор

С нетерпением я ждал момента, когда снова смогу обратиться к запискам Тихого. Вызвав файл, я с удивлением, что дата создания его совсем свежая, то есть, он нашёл его на компьютере и дописал после того, как я прочел часть записок. Ну и ну. Выходит, он пытается мне на что-то намекнуть и подвинуть к дальнейшим действиям и ожидает помощи? Ведь последние фразы могли принадлежать только здоровому, но отчаявшемуся человеку. Я это знаю.

Так или иначе, я попытался восстановить ситуацию. Видимо, во время аварии, я могу предположить это по его записям, он был вместе с Рыжей-2, но Рыжая-2 увидела кого-то, кто был с Рыжей-1, и она его знала. Но не знала о Рыжей-1, это очевидно. Доподлинно известно, что в машине с Тихим Николаем была женщина, именно – рыжая. Но куда она подевалась? Если это не плод больного воображения, то Рыжая...

Нет, он все же их раздвоил – настолько было сильно потрясение. Все же я поинтересовался, кто поступал с травмами в тот день, что и Тихий. Список оказался достаточно внушительным, но кого-то после соответствующих процедур отпустили домой, кого-то перевели в другой стационар. Я поговорил с персоналом, но никто не припомнил никаких рыжих девушек, поступивших к нам в тот день. Правда, и этому нельзя полностью доверять, так как учёт, мягко говоря, был недостаточно полным.

Найти же упоминавшегося Петровича представлялось нереальным – никаких намёков или ориентиров. Курсы закончились, и теперь – ищи-свищи. Хотя я надеялся, что общение с ним позволит вернуть Тихого в нормальное состояние. И, думая об этом, я сам погружался, несмотря на достаточный опыт и психологическую подготовку, в трясину созданных больным воображением тихого образов, присовокупляя к сему собственные видения. Ещё немного, и мне самому понадобится помощь.

Рыжие преследовали меня, и казалось, что это не фантомы, насколько реалистичным было их присутствие.

Я закрывал глаза, стыдливо представляя мыслимые и немыслимые картины. И подумал о том, уже пора в первопрестольную. Там у меня тоже есть практика. И заказ, к выполнению которого необходимо тщательно подготовиться. Было где остановиться – маленькая квартирка в районе Профсоюзной, и немного отвлечься от питерских дел, но именно в моё дежурство и случилось...

В тихий час я решил пройти по палатам, посмотреть, как отдыхают слабоумные. Впрочем, для некоторых понятия времени просто не существовало, ночью же рефлекс заставлял спать. У окна я увидел одиноко стоящего Тихого. Он пристально смотрел во двор, подъезжали санитарные машины, возможно, с его будущими соседями. Он поздоровался со мной, как всегда, вежливо.

Я хотел его о чем-то спросить, но он внезапно сорвался с места и устремился к только что открывшейся двери в отделение. Я оглянулся. На пороге стояла невысокая, скорее даже миниатюрная, рыжая женщина. В смешном пиджачке канареечного цвета и блестящих чёрных слаксах. Она опиралась на тоненькую палочку.

Увидев Тихого, она ускорила шаги ему навстречу. Он же, остановившись в метре от нее, вдруг поднял руки к лицу, по которому непроизвольно потекли крупные горошины слез:

– Ры, Рыжая, эт-то ты? – Только и произнёс он.

– Я, я, конечно же, я нашла тебя, любимый! – Она тоже плакала. Рыжая выронила трость, которая со стуком упала на кафельный пол, и обняла его. И они застыли...

Смущённый, я отвернулся к окну. Жаль, что не мог измерить свой пульс. Все было по-прежнему, только возле только что подъехавшей синей девятки стоял невысокий плотный, чуть

попысевший мужчина, и радостно махал рукой, глядя в сторону нашего окна. Неужто, Петрович? – подумал я, и понял, что все было правдой.

Вояж – 1

Питер, как принято считать в определённых кругах, является «культурной столицей России». Некоторые даже претендуют на большее, учитывая огромную роль города в постигших страну преобразованиях. «Мосты повисли над водами» и всё такое прочее. В Ленинграде – никак не могу привыкнуть к Санкт-Петербургу, вот Питер – это гораздо ближе, повисли не только мосты. Это я о сильной, так сказать, половине человечества. Возможно, я ошибаюсь, или просто мне не везло, или же хандра нашла. Так вот, что касается северной – тут никаких сомнений, поскольку короткое лето проскальзывает незаметно, особенно, когда никуда не выезжаешь. А на счёт столицы – как ни крути, все более-менее важные дела решаются в перепрестольной. И тут ничего не попишешь. Где деньги – там и власть. Цитирую.

Вот и у меня возникла крайняя необходимость посетить настоящую столицу и нанести один чрезвычайно важный визит, от которого зависело моё, и не только моё, «светлое будущее». Дело в том, что в последнее время некоторое состояние неопределённости давило на меня. Прямой угрозы пока не было, но чувствовалось, что меня держат в определённых границах, которые переступить без последствий невозможно. Это мне ненавязчиво давали понять. И непонятно кто. Я могла доверяться только собственным ощущениям. Подтвердить мои опасения я могла только в столице. Если сумею туда добраться.

Казалось бы, чего проще – сел на самолёт или поезд – несколько часов и ты у цели. Я понимала, что некто весьма влиятельный, или, как говорят, «определённые силы», были не заинтересованы в том, чтобы я покинула Питер. За моими передвижениями несложно проследить. По той же причине отпадал и автомобиль. Выходит, что шансов выбраться незамеченной из города у меня нет.

И с недавних пор я стала замечать, что за мной кто-то следит. Несколько раз встречала подозрительных молодых людей, попадавших мне на пути и также незаметно исчезающих при моем приближении. Похоже, оставался один способ – сесть в какой-нибудь затрапезный поезд, затеряться на вокзале и сбить возможных преследователей с толку. Вариант автостопа или велосипеда, я, естественно, отметала.

При этом я должна была оставаться спокойной хотя бы внешне. Отъезд я наметила на week-end и стала тщательно продумывать методику своего исчезновения. Но даже счастливого прибытия в столицу отнюдь не гарантировало успеха. Меня могла встретить совсем не те люди. Мои телефоны наверняка прослушивались, поэтому даже сообщить о своем приезде я не могла.

Проблематично. Что ж, придётся звонить по прибытии, если оно состоится, конечно. Кроме того, оставалось приручить своих теней к субботним исчезновениям, и, тем самым, притупить их бдительность. Я решила, что смогу с этим справиться. Представлялось вполне нормальным, что такая молодая и свободная женщина имеет, друга или любовника, может стать, и не одного, с которым проводит выходные, например, выезжая за город, дабы отдохнуть и получить удовольствие.

Соглядатаи мои наверняка догадывались, что в данный момент, впрочем, как почти всегда, я была, к сожалению, и давно – свободна. Разумеется, я не обольщалась своей внешностью, но и не отчаивалась – чуток располнела, да и не такие не пропадают. Хватит о себе, не то опять возникнет комплекс и буду внутренне рыдать от одиночества, хотя нельзя, надо держаться, быть максимально элегантной и в форме.

Я часто бывала на даче у приятелей, иногда даже приезжала вместе с дочкой. У неё, правда, уже появились свои интересы, о которых я догадывалась по некоторым признакам, но она мне не докладывала. Я выбирала тени и помаду, которые, по моему разумению, могли подойти ей, а потом замечала, что они используются по назначению. Но горе тому мальчику,

которому она строит глазки! По себе знаю, она – вся в меня. Наверное, именно поэтому дочка при первой возможности стремилась уехать к бабушке, где контроль был, понимаете, какой. Мне даже представлялось, что она может ненароком лишиться, пардон, девственности, не осознав, что это за дар природы.

Бабушка, несмотря на научную степень, с воспитанием её, ровно, как и моим, не справляется, балует. А что вырастает их таких детей? Но, что касается учебы, тут она кремень. Языки, филология, теннис – тут всё в порядке. Но я отвлеклась. Свои проблемы, знаете, для любой женщины.

По утрам за мной заезжает водитель, выполняющий по совместительству роль телохранителя. Суровый и надёжный. Но как-то раз я заметила, что другая машина, каждый раз новая, синхронно выезжала откуда-то и следовала за мной несколько кварталов, затем скрываясь из виду. Само собой разумеется, водителю о своих подозрениях я не сообщила.

Иногда, когда я возвращалась с работы, раздавались телефонные звонки – не на мой мобильный, а на городской телефон. Сначала я резко хватала трубку, думая, что это мой бывший благоверный решил, наконец, объявиться, чтобы пообщаться с дочерью. Материальной поддержки, я, слава Богу, не нуждалась и не прошу. Может, звонили стеснительные Валюшкины воздыхатели – она развитая для своих четырнадцати.

Допрос дочери с пристрастием ничего не дал. Но, стоило только мне взять трубку и произнести фразу, как телефон мгновенно умолкал. АОН номера определить не мог, – звонили либо с автомата, или блокировали определитель номера. По всему выходит, меня пасли. Так, для предупреждения и острастки. И от этой опеки надо было избавиться. А для этого – в Москву, будь она неладна, прости Господи.

К поездке я решила подготовиться основательно. Выбрала самый обычный поезд, а время отъезда определила на пятницу. Опять повторяюсь, но так вышло.

Итак, часто по вечерам в пятницу за мной заезжал приятель, муж моей хорошей знакомой, и мы ехали к ним на дачу. Собиралась разношёрстная компания, и мы неплохо проводили время.

Интересы наши, как мне тогда казалось, не пересекались, и мы были свободны в общении. Правда, иногда в компании появлялся молодой человек, или не очень, как я улавливала своим женским чутьём, предназначенный персонально для меня. После шашлыков, сопровождаемых обильным возлиянием, я порой поощряла их, даже позволяла себя немного пообнимать, – баба всё же, но дальше моя доброта не распространялась. Некоторым было явно что-то от меня нужно, меня хотели, так сказать, использовать, и не только как женщину. Но я это мгновенно просекала. Возможно, были серьёзные претенденты, но либо кандидаты не шибко подходили, либо я стала излишне привередливой.

К чему я это говорю – а к тому, что слинять в пятницу было весьма реальным вариантом. Пару раз в обществе Томки и Валерки я упоминала о некоем мифическом Николае, которого и в помине не было, и тем их заинтриговала. Томка активно меня расспрашивала, я, как мне показалось, удачно врала, и она взяла с меня слово, что в обозримом будущем я его ей представлю, «для внешнего осмотра и оценки». Я отшучивалась и обещала. Но на этом можно было сыграть.

Итак, поскольку легально уехать я не могла, оставалось усыпить бдительность моих визави, явиться прямо к поезду и не привлекать внимание. Поэтому мне нужно было выглядеть скромно, не надевать строгий элегантный костюм.

Появиться же в спортивном костюме, кроссовках и со спортивной сумкой перед тем человеком, которому я собиралась представиться, было бы самоубийством, меня бы просто не поняли. Ведь встреча должна быть как бы случайной – мол, приехала в Москву на выходные и решила навестить, какое счастье, что Вы никуда не уехали. В тот момент я была готова

буквально на всё. Так что выходной костюм и туфли придётся везти с собой. Вариант закинуть их в камеру хранения и забрать перед отъездом отпал.

Итак, вечером в четверг, пообщавшись с дочкой, посмотрев по фильму про жуткие выходки американских школьников, обсудив её школьные проблемы, я дала наставления и начала сборы. Аккуратно сложила в пакет костюм, который одевала в самых-самых случаях, столь же элегантные туфли, несколько пар колготок и прочую дребедень, наличие которой при известном старании делает женщину более привлекательной. Даже меня, как при встрече, так и в процессе раздевания, хотя я надеялась, что до этого не дойдёт, но кто мог поручиться. Косметику и основные деньги я положила вниз, прикрыв скромненьким стареньким джемпером, пакетом с бутербродами и бутылкой водки, завернутой в газету, а сверху для маскировки положила ещё и халат, который намеревалась надеть в поезде.

Деньги на текущие расходы, пластиковые карточки и документы – в закрывающийся на две молнии внутренний карман спортивного костюма. Хотя пользоваться пластиковыми карточками рискованно, транзакции можно легко отследить.

В эту решающую пятницу я ужасно нервничала, не проводила важных встреч, а заперлась в кабинете и занялась бумагами. Однако пришлось ответить на пару важных звонков и провести коротенькое совещание. В конце дня позвонила Валерке: «Заедешь за мной, как всегда? Да, домой. Жду в половине восьмого. Да нет, сама спущусь, не поднимайся. Конечно, развлечёмся! Ну, пока, народ насадет (хотя никого не было), вечером поговорим». Я была почти уверена, что звонок будет снят, а это мне и надо было.

Для контроля позвонила маме и повторила то же самое, и, признаться, осталась довольной своей находчивостью. Рабочий день закончился, и вскоре я уже была дома.

Тщательно в последний раз проверила содержимое сумки, перекусила, опять позвонила бабушке, дала наставления дочке и решила.

В половине восьмого раздался звонок – Валерка не выдержал и поднялся ко мне:

– Давай скорее, надо ещё за Томкой заехать, я сегодня не успел. (Вот и хорошо, – подумала я, – меньше будет вопросов).

Валерка привычно подхватил мой кофр, и, когда мы выходили из подъезда, любой мог видеть счастливую молодую пару, намеревающуюся прекрасно провести уик-энд. Удобно устроившись впереди, я рассмеялась, заметив, как красная «Мазда» выезжает из противоположной арки, а бритоголовый молодец докладывает по мобильнику. Но кому?

«Мазда», немного проехав следом, отстала и на крыле резко ушла в боковую улицу. Было не похоже, что нас кому-то передали – мол, пташка и так никуда не денется.

Через несколько минут, когда мы подъезжали к станции метро, я тронула Валерку за руку:

– Послушай, останови здесь, я выйду.

– Так здесь нельзя, ты побыстрее!

– Нет, я совсем.

– Ты что, с ума сошла! А что я Томке скажу, она ж тебя ждать будет, и мужик один приедет, как раз для тебя – Валерка отличался прямоотой, и со мной не церемонился, – хватит одной маяться. Приличный парень.

– Ну, не сердись, ждут меня. Понимаешь, мы с Николаем договорились. Он здесь меня встретит, может, и к вам заедет в воскресенье. Матери сказала, что к вам еду – а то, понимаешь, вопросы начнутся, разборки. Пусть она пока так думает, ладно? А Томку поцелуй за меня.

– Ну, ты даёшь! – В голосе его слышалось искреннее восхищение. – Такая скромница, и вдруг. Мы до среды будем, привози своего – он принял мои слова за чистую монету, – желаю успеха, а если что, приезжай сама.

– Спасибо, но для всех – я у вас. Николай человек солидный, да нет, не женат, но ему светиться тоже незачем.

- А куда поедете? На всякий пожарный, вдруг что.
- Где-то около Сосново, там у него дача, в Волчьей балке, – я заранее придумала легенду.
- Да, солидно.
- Ты извинись за меня перед Томкой, она все поймет.

Если они поставили Валерке жучка, то это их или собьёт с толку, либо успокоит. Пусть прочёсывают всю балку, если делать нечего, а я, тем временем.... И у них ресурсы не безграничны. От этой мысли я рассмеялась, чмокнула Валерку в щёку, подхватила сумку и выпорхнула из машины.

Дождавшись, когда его машина скрылась из виду, я смешалась с толпой. В пятницу многие выезжают за город, и мой вид не отличался от тысяч других горожан, стремящихся покинуть душный город и отдохнуть на природе. Но времени у меня было в обрез. Поезд уходил в 20—40, и лишь за пять минут до отхода, я, запыхавшаяся, остановилась у предпоследнего вагона, проводник которого внушал относительное доверие, то есть мог за определенную мзду довести меня хоть куда угодно.

Так и случилось – хрустящие банкноты сыграли свою роль, и вскоре я уже шла по вагону к своему последнему купе. Ура! Первая часть моего плана сработала.

Я буквально плюхнулась на свободное место, нагло бросив сумку в проходе. Сейчас мне было ни до предстоящей дороги, ни до возможной встречи, ни до своей внешности, хотя в данный момент она меня вполне устраивала. И соответствовала моему состоянию. Кто-то из соседей – в купе были только мужчины – забросил мою сумку наверх, я машинально поблагодарила, и буквально на секунду отключилась. Поезд медленно набирал ход, и в районе Сортировочной я услышала:

- Присоединяйтесь к нам, если не против!

2.

Я машинально кивнула, и тот же голос произнёс:

- Вот и славно, веселее будет!

Бутылка «Санкт-Петербурга» уютно устроилась в уверенной руке соседа, сидящего у окна напротив, и без видимого сожаления расставалась со своим содержимым. Как я поняла, один из четырёх стаканов предназначался мне. Из ниоткуда материализовались бутерброды, зелень в виде петрушки, укропа, огурцов, ранних помидоров, и два пакета сока.

- А не рановато? – засомневалась я.

– А что время даром терять, – ответил смешливый, – дорога дальняя, ночи – белые, мы молодые и слегка удалые!

Пока один разливал водку, я оглядела своих попутчиков. Двое напротив явно ехали вместе (так и оказалось впоследствии – дальше через Москву) в командировку, сидевший окна мой сосед, вдруг поднялся и предложил:

- Двигайтесь к окошку.

Я сдержанно поблагодарила и устроилась ещё удобнее. На удивление, водка оказалась мягкой, а сок – холодным и вкусным. Тут же завязался обычный дорожный разговор, сначала о политике, о новых назначениях и зловещей роли мировой буржуазии в развале, нас окружающем, потом о кино, опять о политике, и т. д. Моим попутчиками было примерно лет сорок, и они легко находили общий язык. Я успокоилась – в такой компании ехать безопасно: в обиду не дадут хотя бы из принципа. Расслабилась сама, возможно, под действием алкоголя, и вскоре мне стало на всё наплевать.

Меж тем бутылка опустела, и коллектив дружно пошел курить. Мне тоже жутко захотелось закурить, и я отправилась в тамбур.

Предложенный «Marlboro» для меня крепковат, но не могла же я вытащить «Salem», ибо это не соответствовало избранному мной имиджу простой тётки, едущей в столицу по совершенно ничтожным делам.

После перекура застолье продолжилось. Я извлекла бутылку «Юбилейной», сосед мой тоже не остался в долгу, и пошло-поехало, правда, в более медленном темпе. Мужчины стали говорить на повышенных тонах, поливая всё и вся, особенно центр зла – Москву, без которой, к сожалению...

Я больше слушала и поддакивала. Сосед, уступивший мне место около окна и нижнюю полку, явно собирался в Москву проветриться – да и не мешало бы. Вид у него был несколько помятый, трёхдневная щетина и мешки под глазами не украшали его, но речь была ясной и чёткой. Одет он был в тёмно-серый костюм и полосатую рубашку без галстука. «Учитель или доцент, – сообразила я, – хотя нет, у тех привычка к аккуратности в крови. Кто же он?» – Спросила я у себя самой, а потом забыла.

Но через минуту услышала обращение к себе, как будто он прочел мои мысли:

– Ну, мне-то понятно, в Москву, позарез. А Вам-то, рыжая, – ну что там делать? Тётушку старенькую проведать, наверное? Сидели бы себе в Питере, или загорали с детишками на даче. И то пользы больше было. Таким, как Вы, совсем не время по столицам разезжать.

Я внутренне обиделась, но не сильно – да, рыжая, тётка дачная! А насчёт того, что не время, согласилась, но только кивнула, да, мол, почти угадал, но вот так сложилось, и что тут поделаешь. Вслух же сказала, правда, беззлобно:

– Вам-то самому зачем, Баталов недобитый!

Он слегка опешил, а потом рассмеялся:

– Ну, молодец, рыжая, срезала, действительно, – он оглядел себя, – что-то общее есть, ну, проехали, – и снова налил. Однако я заметила, что пил он аккуратно и немного.

Сам он ехал с одним дипломатом, вернее, это была плоская сумка с ремнём и множеством молний, которую легко можно повесить на плечо. Николай – какое странное совпадение! – Так звали его, – был щупловат, выше среднего роста, и было не похоже, чтобы он имел отношение к тем, кто так усердно интересуется мной. Деловым его тоже назвать было сложно. Впрочем, как часто мы ошибаемся!

Стемнело. Поезд мерно стучал по рельсам. Мужчины вышли из купе, дав мне возможность переодеться и лечь. Я вытащила халат, накинула его поверх футболки и тренировочных, забралась под одеяло и мгновенно провалилась в мерную бездну сна.

– Вставайте, соня рыжая! – Чёрт побери, он упорно звал меня рыжей, и, в придачу ко всему, теребил за плечо. Я с трудом протерла глаза. Поезд уже стоял, и мимо вагона торопливо шагали успевшие покинуть его пассажиры. Двух командированных уже не было – спешили на Казанский. Я глянула на себя в зеркало – боже, какой ужас! Я в таком виде!

И я почувствовала, что план вот-вот рухнет – в Москве у меня не было надежного пристанища. Вообще-то было куда податься, но, поскольку я собиралась хранить инкогнито, то не могла подставить хороших людей. Увидев моё замешательство, Николай, кстати, заросший ещё более – два сапога пара, внезапно произнёс:

– Ну что, Рыжая, не встречают? – С акцентом на имени.

Я равнодушно пожала плечами:

– Как видите! – И, слава Богу, что не встречают, а если и встретят, то непременно узнаю на выходе. Торопливо сунула ноги в кроссовки, скинула и запихала в сумку халат, успела разок провести расчёской по волосам и рукой по лицу, отчего, увы, не полегчало, накинула куртку – и вперед.

Мы вышли на перрон. Прохладное московское утро взбодрило, я осторожно, чтобы не привлекать внимание, поглядывала по сторонам. Сосед с дипломатом шел рядом, ни на кого не обращая внимания. А я же чувствовала неистребимое желание добраться до туалета, умыться и хотя бы причесаться, а потом посидеть и просто подумать, где провести время до предполагаемой встречи.

Николай как бы предугадал мое желание:

– Метро ещё закрыто, а туалет – напротив, я подожду, если хотите. Видимо, даже на почти незнакомого человека вид мой действовал удручающе. Я только согласно кивнула – и мне иногда нужна какая ни есть опора. Или я почувствовала необыкновенным женским чутьём?

Когда я вернулась, он стоял с двумя стаканами фанты и действительно ждал меня:

– Глотните, не повредит.

Холодный, пузырящийся апельсиновый напиток был как нельзя кстати.

– Ну что, поехали, метро открылось.

Мы спустились по переходу на кольцевую «Комсомольскую». В столь ранний час деловые москвичи ещё не спешили на службу, зато ощущалось большое количество гостей города, разъезжающих по своим делам. К своему удовольствию, знакомых и подозрительных лиц я не заметила. Ещё бы! Какой нормальный человек поедет в Москву поездом, прибывающем без пятнадцати пять!

– Вам куда? – прервал молчание Николай. И, поскольку я замешкалась, – не мотаться же мне весь день по кольцевой или сидеть на Ярославском (Казанском, Павелецком) или бродить весь день по бывшей ВДНХ, предложил:

– С Вами все ясно, сначала едем в Черёмушки, а потом разберёмся. И в голосе его было столько уверенности, что у меня сначала ёкнуло в сердце – ну все, подруга, сгорела, а потом плюнула на всё – мне нужна передышка, а там – хоть потоп.

Минут через сорок мы оказались в Новых Черёмушках возле старого пятиэтажного дома постройки пятидесятых годов, в чистеньком и даже патриархальном дворике с несколькими песочницами, волейбольной площадкой и мирно соседствующими с этими сооружениями гаражами.

Николай набрал несколько цифр на кодовом замке, после чего дверь открылась, и мы вошли в полутёмный подъезд.

Нужная нам квартира находилась на первом этаже за обитым старым дерматином стальной дверью также с кодовым замком. Множество ужасных мыслей промелькнуло у меня в голове – неужели это конец и я так глупо попала, дура набитая. Но отступать было поздно, да и некуда, а кричать и звать на помощь в бандитском гнезде – бесполезно. И я покорно вошла в распахнувшуюся дверь.

3.

В квартире и впрямь никого не было. Мы прошли в комнату, и Николай взял записку, явно предназначавшуюся для него: «Старик, прости, пришлось срочно уехать, может, ко вторнику вернусь, дождись, если сможешь. А пока – отдыхай, развлекайся, приходи в себя. Но баб не приводи, а если приведешь – чтоб стыдно не было. Ключи от машины и где – сам знаешь. Пока, дружище!» Николай скептически поглядел на меня, видимо, соображая, можно ли считать меня за «бабу, которую...».

– Ну вот, первую заповедь я нарушил. Ладно, отдыхайте пока. Да, кстати, как Вас зовут – а то неудобно получается.

Я представилась.

– Я так и предполагал. Это Вам идёт, Рыжая.

– Ну почему рыжая?! – Взорвалась я. – Достали уже!

– Потому и потому, потом скажу, если представится возможность. Кофе? – И он направился в кухню этой, видимо, холостяцкой, однокомнатной квартиры. Не обжитой, зато оборудованной.

Проснулась я часа через три-четыре, когда солнце докатилось почти до зенита, и лучи его стали падать прямо на меня. Я лежала на диване, куда меня перенесли с кресла, укрытая пледом. Сумка моя и кроссовки стояли рядом – наверное, он снял их с меня, когда я заснула

в ожидании кофе. Сам Николай сидел в кухне, и курил – до меня доносился запах приятного табака и кофе, и смотрел новости.

– С добрым утром!

– Так полдень уж, – Николай не добавил «Рыжая», а я лишь смущённо пожала плечами, даже не решаясь бросить на себя взгляд в зеркало.

– Сейчас, только умоюсь.

Да, человек после душа совсем иной, нежели без него! Даже если внутри нестерпимо мутит, и последствия пьянства прорываются зеленью на физиономии. Я провела в душе, наверное, минут сорок, не только пытаясь прийти в себя, но и напряженно думая над планом дальнейших действий. Правда, боец из меня в этот день был просто аховый. То есть, никакой.

Николай никак не прокомментировал мое появление, и мы пили кофе со сливками, с бутербродами и московскими деликатесами. Он, также успевший отдохнуть и побриться, ни о чём не спрашивал. Возможно, и в его жизни что-то произошло, от чего он ещё не успел оправиться.

В отличие от вчерашнего вечера он был мрачен и неразговорчив. За окном мирно играли детишки, шуршали зелёными листочками тополя, и мне даже захотелось забыть о цели моего приезда и просто отдохнуть, как нормальному человеку, но реальность, к сожалению, гнусно напоминала о себе.

– Здесь есть телефон? – Спросила я после перекура, хотя меня опять повело.

– Да, в комнате, звоните спокойно, пока можно. Мобильный не рекомендую. Москва – таки.

Почему – пока? Но мысль лишь промелькнула. А человек, ради встречи с которым я совершила столь безрассудное путешествие, был на месте. Мне было назначено на 17—00. И одно это было большой удачей.

Я извинилась перед гостеприимным хозяином и стала собираться. Мне нужно было в район метро «Ботанический Сад», почти в другой конец. Я намеревалась добраться туда на метро, а потом поймать машину. А дальше – по обстоятельствам, но на всякий случай спросила:

– А я смогу вернуться сюда вечером, если?

– В принципе у меня сегодня никаких дел особых нет, могу сопроводить. А встреча важная?

Я согласно кивнула головой. Николай же головой покачал, оценив выражение моей физиономии где-то на два с минусом, потом достал из кармана металлическую коробочку, из неё – запрессованную таблетку:

– Выпейте, минут через пять полегчает. – Не корил, а смотрел с интересом.

Я была ему благодарна – бродить в одиночку по Москве не хотелось.

Николай покорно ждал у телевизора, и, наверное, был поражён – я это замечаю всегда или так хотелось, – увидев моё превращение из давешней тётки и сегодняшней растрёпы в вполне элегантную даму с горящими от возбуждения глазами, подтянутую и готовую к бою.

– М-да, ну пошли тогда, – он взял свой дипломат, поманипулировал замками, и мы вышли на улицу. Было настолько ярко, что пришлось надеть тёмные очки.

– Подождите здесь, – сказал мой спутник и направился к ближайшему гаражу.

Машина превзошла мои ожидания – «Опель» последней модели, – и вскоре мы мчались с предельно допустимой скоростью, естественно, к одной мне известной цели, и, к сожалению, к далеко не известному результату. Не знаю, что Николай дал мне проглотить, но жуткое состояние сменилось пугающей лёгкостью – то есть, именно тем, что мне было сейчас необходимо.

Водитель мой добровольный молчал и ни о чём не спрашивал – похоже, впал в апатию, и сказал только:

– Как рыжая, так столько мороки. Карма у вас такая, наверное.

– Поборемся, – пошутила я, – мы, рыжие, упорные.

– Заметно, – усмехнулся он в ответ.

Минут через сорок мы подъехали к стоящему в некотором отдалении от других зданий скромному особнячку, за стенами которого решались судьбы не только многих людей, но и государства, но об этом мало кто подозревал.

Николай проехал мимо, не снижая скорости, несмотря на мои призывы остановиться, резко затормозил за ближайшим углом и спрятал машину за деревьями:

– Светиться незачем, ждать буду здесь, удачи!

Голос его внезапно стал твёрдым, а взгляд тяжёлым и пронзительным, совершенно не похожим на вчерашний, расслабленный. Отчего легкие мурашки пробежали у меня по спине. А что, если и он знал, хотя бы понаслышке об этом здании и его хозяине?

Я благодарно пожала ему руку, и сказала, выходя из машины:

– Постараюсь.

И пошла, вся из себя гордая.

Аудиенция прошла успешно, даже более того. Я получила карт-бланш и обещания в поддержку своих действий. Беседе проходила наедине, в скромном кабинете, за чашечкой ароматного кофе и маленькой рюмкой коньяка «теплой и дружественной атмосфере». В отличие от вновь прорвавшихся к власти и нуворишей, хозяин не любил излишеств. Потом охрана предупредительно проводила меня к выходу и я, сняв тяжесть со своих плеч, наконец, вздохнула свободно и, совершенно расслабившись, пошла в сторону аллеи, где меня ждала машина.

4

Вдруг прямо возле меня взвизгнули тормоза, и из чёрного джипа выскочили два огромных бритоголовых бандита с явным намерением схватить меня и затащить в свою машину. Я отчаянно закричала, однако противоположная сторона улицы, за которой начинался парк, была пуста. На мой крик среагировала охрана особняка и двое в камуфляжной форме выскочили на улицу, на ходу вытаскивая оружие.

Похитители на какое-то мгновение оставили меня, и, вытащив короткоствольные автоматы, разрядили их в бедных охранников. Я в ужасе попятилась назад. «Неужели это конец?» – Пронеслось в голове.

Внезапно из-за поворота навстречу мне вылетел «Опель», а из него выскочил Николай, с пистолетом в руке. Нападавшие не ожидали такого поворота событий. Несколько выстрелов, и всё было кончено. Николай запихнул меня в машину, и мы умчались прочь, оставив позади гору трупов и горящий джип.

Меня била дрожь, я металась в истерике, хваталась за своего спасителя и мешала ему вести машину. Когда мы удалились с места происшествия на достаточное расстояние, Николай остановил машину, и прижал меня к себе. Он положил мне руку на голову, снимая напряжение. Когда я более-менее пришла в себя, мы продолжили путь. По дороге сильно петляли, и к дому подъехали с другой стороны.

Когда мы вошли в квартиру, я рухнула на диван и разрыдалась. Николай вышел на кухню, достал из холодильника ледяной сок, налил в бокал, потом бросил что-то шипучее и протянул мне. Я машинально выпила, а потом он буквально затолкал меня под прохладный душ.

Холодные струи сбили с меня напряжение и заставили мыслить, хотя я дрожала до сих пор. Неужто я кому-то так перешла дорогу, что меня захотели похитить и, может быть, даже ликвидировать? Я лихорадочно перебирала варианты, но ничего путного не приходило в голову.

Набросила предусмотрительно оставленный халат, причесалась и осталась довольна своим внешним видом. В комнате меня ожидали кофе и коньяк. Николай сидел перед работающим телевизором. Обернувшись, он наполнил бокал и в буквальном смысле слова вылил

в меня половину фужера. Я машинально выпила, меня обожгло, закашлялась. А когда отдышалась, не нашла ничего лучшего, чем спросить:

– Вас ко мне приставили, или вы мой добрый ангел?

– Ни то, и ни другое. Просто так сложились обстоятельства.

– А вот это? – Я покосилась на дипломат, имея в виду его пушку.

– Ну, будем считать, что приобрёл по случаю или по дурости в Апрашке. Исключительно для самообороны. Лады? А сейчас сгодился. Впрочем, – он не стал уточнять, а меня объяснение устроило, – ну-ка, посмотрим, там что-то интересное!

Он взял пульт и увеличил громкость. Я невольно всмотрелась в изображение, и увидела до боли знакомое место. Да, по гроб жизни запомню!

...догорал остов машины. Возле него суетились люди в милицейской форме, а безучастные санитары стояли в сторонке и курили – здесь им делать было нечего. Диктор за кадром произносил:

– Сегодня, в районе... произошла очередная перестрелка между охраной частного (да, очень частного, – подумала я с ехидством) офиса и представителями бандитской группировки. В результате чего оба охранника и двое нападавших были убиты на месте, а третий бандит скончался по дороге в госпиталь. Выясняются личности преступников. Как всегда, милиция прибыла на место происшествия к шапочному разбору. Подробности инцидента представитель УБОП комментировать отказался. А свидетелей происшествия нет. По мнению из независимых источников, была предпринята неудачная попытка ограбления офиса....

Камера наехала на стену, и зафиксировалась на свежих следах пуль, а затем – на обведённых мелом очертаний фигур.

– Ну, дальше не интересно, – и Николай выключил телевизор.

– Мне нужно позвонить, – я потянулась к телефону.

– А вот этого делать никак не следует, – возразил Николай, – наверняка прослушиваются все входящие звонки.

– Нет, у них там... – я замялась, подзабыв технический термин.

– А Вы думаете, у противной стороны возможности ограничены?

Больше не спрашиваю. Он налил ещё, и тут я почти отрубилась – в его присутствии самоконтроль был совершенно излишним. Он перенёс меня на постель и укрыл тяжёлым одеялом. – Спи, а я пока смотаюсь за билетами. В Москве нам больше делать нечего.

– А деньги – возьми там, в сумке.

Николай только хмыкнул:

– Обойдемся пока, отдыхай и не открывай никому.

Перед тем, как заснуть, я подумала, что, может, его и в действительности приставили ко мне для охраны? Чтобы ничего не вышло, или, наоборот, вышло нечто определённое. Но все же – что ему таки надо? Вряд ли меня, но почему? Я так и не ответила на основной вопрос философии.

Николай вернулся, когда уже затемно, я уж начала беспокоиться, ибо поняла, что одной мне не выжить. Проснувшись, я привела себя в порядок в очередной раз, протёрла пыль, подмела пол. Похоже, здесь постоянно вообще не жили. Что это – конспиративная квартира или явка? Он бросил на кресло объемистый сверток, и сказал:

– Все, отбываем утренней лошастью, как Киса. На десять, дневным.

– Что там? – Женское любопытство взяло верх.

– Примерь, в том, в чем ты приехала и шеголяла по Москве, лучше не показываться. Баракло оставишь здесь, при случае заберёшь, когда всё устаканится.

Я робко попыталась протестовать, не выдержала и сказала:

– Тогда попрошу выйти из комнаты. И с интересом стала распаковывать пакет. Да, похоже, он был специалистом по женщинам! Элегантный и легкий тёмно-зелёный брючный

костюм – как, интересно, я в него влезу? – худеть надо, милочка, но сел на меня, как родной. Как и розовая ажурная блузка и что полагалось под неё. И даже два пакетика с тёмными трусиками. Это наглость! Но их я примерять не стала. Наряд дополняли удивительные бежевые туфельки опять-таки моего размера и тёмный парик. Я приладила и его, после чего посчитала, что можно и показаться. Но тянуло все это на пару тысяч долларов, если больше.

Да, непрост мой спаситель! Вроде особого внимания ко мне не проявлял, а вот поди-ка!
– Всё, можно!

Николай придирчиво оглядел меня:

– Да, пожалуй, сам чёрт не узнает. Можно спокойно возвращаться.

– А как ты догадался – ну, размер, фасон и прочее, даже... Ты что, специалист по женщинам?

– Да и по мужчинам тоже. Работа такая, – ответил он сдержанно, но творением своим и тем, как я выглядела, остался доволен.

Я снова влезла в халат, и стала ждать ужин, тупо глядя в разноцветные картинки, прыгающие по экрану телевизора. Ужинали в начале второго, скромно, без излишеств. Николай порылся в шкафу, как у себя дома, (а, может, он и был хозяин, ибо вёл себя именно так), достал бельё, сказал «Спокойной ночи» и оставил меня отсыпаться. Я хотела было спросить, как он сам, но постеснялась. Правда, в кухне тоже был маленький диванчик. Я опять мгновенно заснула, сморенная сегодняшними приключениями, и провалилась в тяжёлый сон.

Мне снилось, что я иду по незнакомой улице совершенно одна, но меня окружают безмолвные тени. Я хочу закричать, свернуть в сторону, но все равно слеую узкой полоске света. Но тени материализуются и превращаются в массу безликих, бритоголовых. Они хватают меня и тащат, тащат. И вот я, связанная, стою посреди огромной голой комнаты, на каменном полу. Нет, это даже не комната, а подземный зал. Вокруг – одна тьма. Прямо передо мной, на деревянном троне с собачьими головами вместо подлокотников сидит некто в иезуитском колпаке и маске, на стенах коптят факельные светильники, и, к своему ужасу, вижу, что неясные фигуры превращаются в палачей в красных от крови облачениях и с огромными топорами – секирами.

Раздается жуткий, идуший из преисподней голос: «Ты нарушила правила игры, сдала наши интересы. Мы тебя поставили на счётчик, за базар ответишь!» По знаку главного палачи подняли капюшоны и бросились ко мне. Они стали срывать с меня одежду и рвать в разные стороны. Я пыталась вырваться, кричать, но мои слабые стоны тонули в гулких стенах камеры пыток.

На мой крик, сдавленный и жуткий, из кухни пришел Николай. Опять с бокалом в руке, и поднес его к моим губам. Я сделала несколько глотков и вцепилась в него, как в единственного защитника. Он присел рядом со мной и погладил по голове:

– Успокойся. Сейчас ты снова заснёшь, и утром будешь как огурчик.

Я мотнула головой. Слезы текли у меня по щеке и падали ему на руку. Я потянула его к себе:

– Не уходи, – и откинула край одеяла.

Николай прилёг рядом и обнял меня. От него исходила неведомая мне сила, и как не походил он на давешнего замухрышку! Мне даже стыдно, что я могла так подумать. Я повернулась к нему спиной, и он нежно приложил свою исцеляющую руку к одному ему известной точке. Другую я ему указала сама. Необыкновенное тепло его рук распространилось по моему телу, и сон мой был лёгок.

Николай разбудил меня около половины седьмого. Дневной поезд, надо собраться и всё такое. Он уже был чисто выбрит, одет в светло-бежевый костюм с иголочки и тёмные туфли. Наряд дополнялся ослепительно белой рубашкой с элегантно галстуком. Если он хотел поразить меня, то в очередной раз преуспел.

– Ну, ты даёшь! – С известной долей восхищения воскликнула я, – просто денди! – Как женщина, проведшая с ним ночь в одной постели, я считала, что имею право называть его на ты. Тем более что он вряд ли был старше меня. Правда, меня немного задевало, что он даже не попытался воспользоваться правом победителя, но между тем.

Неужели я такая непривлекательная? Знаменательно, что в этот момент я даже не вспомнила ни о перипетиях вчерашнего дня, ни о зеркале, ни даже о том, что халат нагло валялся на полу, и надо бы его надеть, прежде чем высовываться...

Он же был совершенно хладнокровен, как вампир:

– Способ передвижения, а также спутница определяют выбор и форму одежды. Завтракать приходи.

Пока я умывалась, одевалась и приводила себя в порядок, кушать было подано – яичница с беконом, апельсиновый сок и кофе. Как английской леди. Но, видимо, я могу с ними конкурировать. Вот дура – вчера чуть не прибили, охотятся, можно сказать, в обеих столицах, а ты всё о том же. Нет, о ком. Да, вот так получается – второй день меня пасут, поят и даже одевают, ничего не требуя взамен. Подозрительно и обидно. На себя, естественно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.